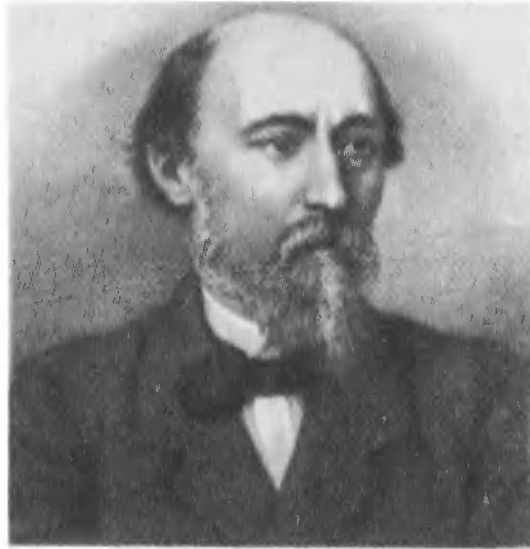

В. АНИКИН

ПОЭМА
Н. А. НЕКРАСОВА
«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

В. Аникин в своей книге рассматривает идейную, композиционную и стилистическую структуру поэмы «Кому на Руси жить хорошо», уделяя особое внимание фольклорной основе этого классического произведения великого русского поэта.

В. АНИКИН

ПОЭМА
Н. А. НЕКРАСОВА
«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Издание 2-е, исправленное
и дополненное

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1973

8P1

A67

Оформление художника
М. ШЛОСБЕРГА

Аникин В.

A67 Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Худож. лит.», 1973 с. (Массовая историко-литературная библиотека).

В. Аникин в своей книге рассматривает идейную, композиционную и стилистическую структуру поэмы «Кому на Руси жить хорошо», уделяя особое внимание фольклорной основе этого классического произведения великого русского поэта.

А $\frac{0723-190}{028(01)-73}$ 261—72

8P1

...беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...

В. И. Ленин

СЕЯТЕЛЬ НА НИВЕ НАРОДНОЙ

В критической литературе едва ли не после книги П. Н. Сакулина стало обычным мнение, что Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» подвел итог всему своему творчеству¹. В известном смысле это верно, но нельзя не заметить, что поэма была синтезом прежде всего таких произведений поэта, которые непосредственно изобразили народную жизнь, преимущественно крестьянский быт. У этих произведений особый стиль, отмеченный влиянием народного сказа и народной песни. Другой поток творчества Некрасова — исповедально-интимная поэзия. Мощные традиции ее дошли к поэту от Ломоносова и Державина через Пушкина и Лермонтова. Из этих произведений мир узнал о муках беспокойного гражданского сердца Некрасова. Конечно, это разделение творчества на два стилевых потока в значительной степени условно: ведь и там и здесь перед нами мысли и чувства одного и того же поэта, но стилевое отличие — не только формальное, внешнее отличие. Оно касается и существа поэтической работы художника.

---

¹ См.: П. Н. Сакулин. Некрасов. М., изд-во «Земля», 1922, с. 46.

Стиль поэмы «Кому на Руси жить хорошо» отмечен прямой передачей народного мироощущения и мировосприятия. Очень точно об этом сказал П. Н. Сакулин: «Поэт научился смотреть на жизнь глазами народа, думать и чувствовать в духе народа, говорить его языком, писать в его вкусе»¹. Разумеется, художник остается народным и в тех случаях, когда говорит речью людей своего круга, однако в этих случаях оказываются необходимыми промежуточные идейно-художественные звенья, соединяющие народную эстетику и эстетику поэта. «Кому на Руси жить хорошо» — *народная* поэма в прямом и полном смысле слова. Народность ее непосредственная, она уходит корнями в народную психику, в культуру и язык народа.

Поэт задумал ее на рубеже двух эпох — кончившегося крепостничества и начала новых времен. Она в большей степени, чем какое-либо другое произведение, оправдывает представление о Некрасове как о поэте, разделившем мятежные чувства и печаль крестьянской России.

Некрасов мучительно страдал от мысли о бессилии поэзии в борьбе с виновниками народных страданий:

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

Раздумья об этом читатель находит и в знаменитом стихотворении «Поэт и гражданин». В споре гражданина и поэта отразилась внутренняя борьба, пережитая самим Некрасовым. Гражданин требует от поэта дела:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Не верь, что неимущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, что вовсе люди пали...

Поэт готов поверить гражданину, но он разуверился в действительности поэзии: разве слово изменит

---

¹ П. Н. Сакулин, Некрасов, с. 36—37.

жизнь?! Еще нет в России революционных сил. Нет сил, готовых разбить цепи угнетения, и в народе:

...спит народ под тяжким игом,
Бойтся пуль, не внемлет книгам.
О Русь, когда ж проснешься ты...

Революционный подъем 60-х годов изменил настроение поэта. Уже в «Рыцаре на час» (1860) Некрасов со всей решительностью человека, выбравшего свой путь, осудил тех, кто не нашел в себе сил пойти по опасной дороге борцов. Это известные строки о «тине нечистой мелких помыслов, мелких страстей», о «ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови» и о стане «погибающих за великое дело любви», любви к ближнему, народу, родине. Особенно примечательны строки, казнящие и суровые, о благих порывах людей, чье слово не переходит в дело:

Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно...

К этим строкам в 1862 году Некрасов приписал слова: «Редки те, к кому нельзя применить этих слов, чьи порывы способны переходить в дело... Честь и слава им — честь и слава тебе, брат»¹. Некрасов имел в виду поэта Михаила Илларионовича Михайлова, одного из авторов прокламации «К молодому поколению», сосланного за распространение этой прокламации в Сибирь. «Делом» в этой приписке Некрасов назвал участие в революционной агитации. Само стихотворение «Рыцарь на час», как и слова из приписки к нему о Михайлове, говорят о новом понимании Некрасовым назначения поэта. Революционную агитацию и поэтическое творчество, если оно верно идеям свободы, Некрасов рассматривает теперь как *дело*. Сравнивая эти мысли с высказанными в «Поэте и гражданине», мы видим, что спор поэта с гражданином мог разрешиться и практически: для этого слово поэта должно стать частью дела революции, того дела, которое наконец появилось у «идущих до конца».

В 1861 году Некрасов написал в высшей степени знаменательное стихотворение — «Тургеневу». Поэт

---

¹ Цит. по комментарию К. И. Чуковского в кн.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. II. М., 1952, с. 653.

упрекнул своего недавнего друга в забвении прежних идеалов:

Молва гласит, что ты задул
Свой факел... ждешь рассвета.

Реформа еще не рассвет, и нет возврата назад тем, кто своим творчеством «не робел в огонь идти за страждущего брата».

Впервые за долгие годы Некрасов почувствовал жизненно-практическую силу своего слова, свою нужность тем, кто делал «дело». Правда, поэт нередко возвращался к мыслям, которые совсем было отступили. «Один из старых русских демократов», как называл Некрасова Ленин, «колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами»¹. Поэт еще напишет:

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемя в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Будут у Некрасова и другие, столь же печальные признания, но и в скорби своей поэт чувствует себя бойцом — уставшим, небезупречным, но бойцом. Некрасов при всех своих колебаниях был «на стороне Чернышевского»², а не с либералами.

Замысел «Кому на Руси жить хорошо» как раз и возник в пору открывшейся перед поэтом возможности соединить слово с делом. Некрасов задумал произведение, которое было обращено *прямо к народу*. Мысль написать такую поэму находилась в тесной связи с другими замыслами Некрасова. В первую очередь это относится к «Коробейникам». Верно заметил В. В. Жданов: «Коробейники» — первое произведение в обширном цикле 60-х годов, посвященном крестьянству, цикле, — увенчанном поэмой «Кому на Руси жить хорошо»;³ и еще: «Коробейники» — первая его (Некрасова. — В. А.) поэма, написанная не только о народе, но и для народа»⁴. Известно, что «Коробейники» по-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 83, 84.

² Там же, с. 84.

³ В. В. Жданов. Некрасов (Серия биографий «Жизнь замечательных людей»). М., 1971, с. 347.

⁴ Там же, с. 348—349.

священы костромскому крестьянину Гавриле Яковлевичу Захарову:

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.

Мало видеть в посвящении поэта только выражение благодарности крестьянину за рассказ, положенный в основу сюжета поэмы.

Мысль Некрасова шла дальше. После журнальной публикации он предпринял отдельное издание поэмы для народа в виде «красной книжки» (эти книги выходили в красных обложках). Нашелся и владимирский книготорговец, который взялся за распространение книжки с помощью офеней. Цена была предельно низкой — три копейки. Некрасов настаивал, «чтобы книжки не продавались дороже»¹. В 1863 году вышла вторая книжка — в нее вошли стихотворения: «Огородник», «Забытая деревня», «Школьник» и другие, но книжка оказалась последней: издание было запрещено. А. М. Скабичевский свидетельствует: «...я сам на опыте имел случай убеждаться, что Некрасов делался любимейшим поэтом для совершенно неразвитых людей, услышавших и прочитавших стихотворения его вроде «Огородника», «Тройки» или «Коробейников»².

А. Я. Панаева рассказывает о том, что В. П. Боткин как-то убеждал Некрасова оставить «ложную дорогу» и перестать воспевать «любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину». Поэт горячо возражал: «Пусть не читает моих стихов светское общество, я не для него пишу». «Значит, ты, любезный друг, пишешь для русского мужика, но ведь он безграмотен!» — язвительно заметил Василий Петрович. Некрасов отвечал: «Мне лучше тебя известно, что есть много грамотных мужиков, да и скоро русский народ поголовно будет грамотен, несмотря на то что у него нет учителей»³.

---

¹ Письмо И. А. Голышеву от 28 марта 1862 г. — Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 472.

² А. М. Скабичевский. Мысли по поводу текущей литературы. — «Биржевые ведомости», 1878, № 6. Цит. по сб.: «Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах». Л., «Academia», 1930, с. 408.

³ А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. М., «Художественная литература», 1972, с. 314—315.

К осуществлению замысла использовать «народную книгу» в целях революционной пропаганды мог подтолкнуть поэта Чернышевский и лично и статьей «Начало ли перемены?» (1861). Статья написана по поводу рассказов Н. В. Успенского. Чернышевский считал знаменательным, что писатель заговорил о народе без идеализации, изобразил «тупую нескладицу» в народных мыслях. Статья наполнена резким осуждением рабской покорности крестьян. В этой связи Чернышевский цитировал «Песню убогого странника» из «Коробейников» и писал: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы... «Я живу холодно, холодно». — А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — «Я живу голодно, голодно». — Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она чернозем, — чего же ты смотришь? — «Жену я бью, потому что рассержен холодом». — Да разве жена в этом виновата? — «Я в кабак иду с голода». — Разве тебя накормят в кабаке? Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилю. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп»¹. Вождь революционных демократов предупреждал своих читателей: «Но не забудьте, о чем мы говорим: мы говорим о том, хорошо ли идет жизнь и умеют ли люди скоро сообразить, отчего она идет дурно и чем можно поправить ее; скоро ли поймешь чье-нибудь дельное толкование, если еще не понимаешь. Вот только об этом мы говорим; только тут люди оказываются чрезвычайно несообразительны, просто сказать, тупоумны»². Речь идет о гражданском сознании крестьянина, о том, понимает ли он, куда и как идет жизнь и что надо сделать, чтобы жизнь стала иной. Чернышевский верил, что «вялость», апатичность массы простого народа может смениться «наклонностью к какому-нибудь другому порядку жизни, хотя бы он и не был хорошенько известен ей». Революционные демократы не сомневались в способности массы «энергически устремиться к приобретению этого лучшего неведомого ей состояния». «Говорите с му-

---

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII. М., Гослитиздат, 1950, с. 874.

² Там же, с. 875—876.

жиком просто и непринужденно, и он поймет вас; входите в его интересы, и вы приобретете его сочувствие»¹, — так закончил свою статью Чернышевский.

Это была целая программа действий для революционного писателя в России, и Некрасов разделял ее. Тех, кто нес народу свободное слово, кто открывал простым людям глаза, кто разоблачал ложь и помогал понять, чего не должно быть в жизни и что надо беречь, Некрасов называл добрым именем «сеятелей».

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Некрасов и сам был сеятелем.

---

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, с. 886, 887, 889.

ДОБРЫЙ ПОСЕВ

В своих воспоминаниях Глеб Успенский писал о Некрасове и его поэме «Кому на Руси жить хорошо»: «Николай Алексеевич много думал над этим произведением, надеясь создать в нем «народную книгу», то есть книгу полезную, понятную народу и правдивую. В эту книгу должен был войти весь опыт, данный Николаю Алексеевичу изучением народа, все сведения о нем, накопленные, по собственным словам Николая Алексеевича, «по словечку» в течение двадцати лет»¹. В достоверности сообщения усомниться невозможно. Здесь все истинно: логика идейных исканий привела Некрасова к мысли создать такую книгу. Книга должна быть понятна народу, приурочена к уровню его понятий и представлений и вместе с тем нести народу такое знание о жизни, которого у него еще нет. Это была сложная творческая задача. Здесь и помог Некрасову опыт прежней работы. Однако автору «Калистрата», «Орины, матери солдатской», поэм «Коробейники», «Мороз, Красный нос» заново приходилось решать свои творческие задачи. Он не просто собирал в художественный синтез все, что было им найдено и продумано раньше, а создавал новые художественные формы, которые сходны с прежними не больше, чем этого допускала близость замысла поэмы с прежней работой.

Новизна поэмы уже в грандиозном ее замысле, поразительном даже у автора «Русских женщин», «Со-

---

¹ Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1953, с. 179.

временников». Свой замысел Некрасов определял так: «Это будет эпопея современной крестьянской жизни»¹. Речь не шла о возрождении архаического жанра, а лишь о том, что «Кому на Руси жить хорошо» будут присущи некоторые свойства эпопеи. Их назвал Белинский, сказавший: «...содержание эпопеи должны составлять сущность жизни, субстанциальные силы, состояние и быт народа... Посему народность есть одно из основных условий эпической поэмы: сам поэт еще смотрит на событие глазами своего народа, не отделяя от этого события своей личности»².

В новые времена невозможно повторение уже раз явившегося в искусстве содержания, но возможно усвоение и развитие прежних художественных форм, если только они бескомпромиссно и естественно служат выражению иного, навеянного новыми эпохами жизненного содержания. «Кому на Руси жить хорошо» могло стать большим эпическим произведением, наследовать некоторые свойства эпопеи, даже быть эпопеей, но это могла быть «эпопея» мало, если не сказать — совсем не похожая на все, до той поры известное мировому искусству.

Произведение Некрасова ближе всего «эпопеям» прежних времен своей непосредственной народностью. Хотя уже миновала пора в искусстве, когда поэт не отделял себя от событий, о которых рассказывал, тем не менее Некрасов в поэме, как и творцы древних эпопей, глядит на жизнь глазами народа. Ощущение не растраченных народных сил, глубокое внимание к «состоянию и быту» народа и — главное — понимание «сущности жизни», могучего движения современности к некоему историческому рубежу, предчувствие грандиозного народного свершения — эти свойства роднят поэму Некрасова с прежними формами эпического творчества.

Ощущение эпической широты замысла «Кому на Руси жить хорошо» и полной, безраздельной приверженности поэмы к современной крестьянской жизни возникает сразу же при чтении некрасовских строк о семи временнообязанных мужиках, которые сошлись на столбовой дороженьке точно не известно где, но

¹ Сб. «Звенья», т. III—IV. М. — Л., 1934, с. 659.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, с. 37.

в земле, которую нетрудно угадать, и не известно когда, но можно рассчитать, в какое именно время. Сказочный эпос и реалистические картины жизни органически объединились в поэме. Форма сказки придала реальным картинам особую значительность, указала на грандиозность происходящего: это жизнь крестьянской Руси в ее целом. Художественная типизация обрела масштабы, которые немыслимы вне условно-поэтического воплощения. Сказка с ее традициями гигантского обобщения народного опыта как нельзя более точно соответствовала замыслу Некрасова.

Некоторые исследователи усматривают в сказочных элементах поэмы «исконные начала» эпического жанра, древний «мифологизм», хотя и оговариваются, что, конечно, это «мифологизм» особого рода и что основу поэмы составляет «жгучая современность», и все здесь подчинено ей.

Сказочный мотив хождения за правдой и все связанное с развитием его, как в «Прологе», так и в остальных частях и главах поэмы, нельзя принять иначе, чем за художественную условность, подчиненную грандиозному реалистическому замыслу. Никакого «мифологизма» здесь нет. Некрасов повел за собой читателя в странствование, напоминающее сказки¹, но повел его по реальной русской земле, а не по тридевятому царству, тридесятому государству. В волшебных сказках самого народа такие мотивы были тоже лишь данью стилистическим традициям, сложившимся в незапамятные времена.

Поиски счастливого объединили части поэмы, все вошедшие в нее истории; это связало отдельные сцены, сблизило между собой разные картины, представшие взору странников. Поэтическое сознание народа было воспитано на сказке, песне, легенде, загадке, поговорке. И, чтобы быть понятным народу, Некрасов должен был сблизить свою поэму с фольклором, насытить ее сказочными, эпически емкими формами народного творчества.

На замысле Некрасова лежит печать его времени. Многомиллионная крестьянская Россия переживала в

---

¹ См.: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, в 3-х томах. т. I, М., 1957, №№ 115—122 и др.

высшей степени значительный момент своей истории. 1861 год, вошедший в историю как год пресловутого «освобождения» крестьян, стал рубежом, который отделил Россию от прежней жизни. Патриархальные порядки стали быстро разрушаться, настала «эпоха подготовки революции»¹. Страна, придавленная крепостниками, искала новых форм общественного устройства. Все пришло в движение. Крушение старых устоев и резкое обнаружение новых социальных бедствий, принесенное крестьянской России торжеством буржуазных порядков, вызвало брожение умов в народе: крестьянская Русь задумалась — как жить, что сулит будущее, как избежать бед?

Общественный кризис сопровождался возникновением революционных ситуаций: первая из них пришла на 1859—1861 годы, а вторая — на 1879—1880 годы. Обе ситуации не перешли в революцию, но со всей ясностью показали, что грозит помещичьей России и социальным верхам. «Кому на Руси жить хорошо», как «эпопея современной крестьянской жизни», отвечала настроениям крестьянской России, накопившей горы ненависти и гнева против помещиков, царских чиновников, священнослужителей. Некрасов писал поэму для Руси размышляющей, беспокойно ищущей ответа на возникшие вопросы. Понятно поэтому, что ищут правду у Некрасова именно мужики. Они спорят о счастливых и несчастных, вникают во все, что слышат, видят, встречают на своем пути. По замыслу Некрасова, они должны стать судьями над попом, помещиком, чиновником, купцом, министром и даже царем. Самим мужикам предстоит сделать выводы, к которым их ведет искусный автор, опираясь на их собственный жизненный опыт. Ради этой цели Некрасов и выдвинул на первый план искания правды самим мужиком, его *згад*.

Оценки, исходящие от самого поэта, погружены в глубь художественного повествования. Поэма отличается этим от других крупных созданий Некрасова — здесь почти нет даже лирических отступлений, в которых автор прямо от своего имени говорил бы о том, о чем до той поры повествовал как сторонний наблюдатель.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.

датель и свидетель. Немногие отступления от строго эпического повествования Некрасов допускал в поэме лишь тогда, когда дело касалось самого заветного. Краткие, необычайно эмоциональные, эти авторские излияния были словно выражением непроизвольного движения души. Но этих лирических «мест» так мало, что они не меняют общего эпического характера повествования.

Мужицкий взгляд и мужицкий суд над всем, чему стали свидетелями странники, позволили передать в поэме массовую народную оценку жизни в России и сразу поставили поэта в доверительную близость к читателю-крестьянину, которому предназначена поэма. Крестьяне-странники представляют ту многоликую и многомиллионную народную Русь, общее у которой — нищета и бесправие. Мужики подобрались из деревень, чьи названия сами говорят за себя: Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово, Неурожайка. Соответствующие названия у губернии, уезда, волости: Подтянутая, Терпигорев, Пустопорожня. Мелькают в поэме названия и других деревень, под стать этим: Столбняки, Босово; Дымоглоотово, Адовщина, Тисково, Горелки, Голодухино; названия губерний: Безграмотная, Испуганная, Подстреленная, уезд — Недыханьев. Не было только Непоротой губернии, Непотрошенной волости и села Избыткова, которых или хотя бы дороги к которым ищут мужики как свой идеал счастья. Так, уже этими названиями Некрасов вершит суд вместе со своими героями над неустроенностью русской земли.

Известно, что сказки народа о поисках правды заключались выводом: всюду царит людская кривда, и ходить бы правде по свету с выколотыми кривдой глазами, если бы не помощь судьбы, вмешательство какой-то доброй силы, которая не мирилась с несправедливостью. Такой силой было само неистребимое стремление народа к правде. Похожая на такие сказки поэма тоже предполагала значительную и важную идею. Во имя ее, идеи, ведущей читателя со ступени на ступень внутрь художественного здания, к высоте, с которой станет обозримым все ниже лежащее и откроется далекий простор во все стороны, — только ради такой идеи могла быть возведена грандиозная

постройка. Сам Некрасов высоко ценил именно эту всеохватывающую идею своего творения: «Это такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение»¹.

Сопоставление поэмы и правдоискательских сказок народа, однако, обнаруживает и различие их. Хождение странников по русской земле у Некрасова совсем не сводится к упованиям на победу правды в неопределенном будущем, как это было в народных сказках. Некрасову как автору правдоискательской поэмы гораздо важнее сам взбудораженный народ, его думы, его вопрос о том, где же счастье, достижимо ли оно. Политическая острота постановки таких вопросов станет понятна, если припомнить, как жестоко совсем недавно, в 1861 году, крестьяне обманулись в своей надежде на лучшую жизнь.

В прямой связи с этим очень важно принять во внимание и другое свойство поэмы, тоже объясняемое особенностями читателя, которому она предназначена, а также чертами времени, когда писалась поэма. Некрасов не озадачивает своего читателя такими идеями, которых тот не может сразу принять. Автор исподволь, постепенно, от главы к главе ведет читателя к ним, развернув все возможные возражения, преодолевая сомнения, а главное — заставляя думать, сопоставлять, сравнивать. При рассказе о хождении за правдой Некрасов прибегает к *скрещению* жизненных оценок, слов, замечаний, исходящих от разных персонажей: сталкиваются различные, порой прямо противоположные суждения. Их столкновение и скрещение в значительной степени и организуют внутреннюю структуру глав и поэмы в целом. Многообразно и поистине бесконечно в вариациях применение этого композиционно-изобразительного принципа. Причем столкновение мнений, различных суждений не только «прием» — это художественная структура, в которой отразилась критическая полоса в истории крестьянской России: народ задумался, заговорил, стал искать правду; пришли в движение и другие сословия, состояния, и каждое судило и рядило со своей точки зрения. В этот процесс размышлений и раздумий вовлечен и читатель.

---

¹ «Литературное наследство», т. 49—50. М., 1946, с. 204.

Первая встреча мужиков — с попом: «Сладка ли жизнь поповская?» Поп говорит, а мужики стоят, слушают, думают.

В чем счастье по-вашему?
Покой, богатство, честь,
 Не так ли, други милые? ¹ —

спрашивает поп мужиков, и «други милые» соглашаются: «Так...»

Некрасов порой повествует о своих странниках с заметной насмешкой, которую чувствует и читатель. Мужиков как будто и нетрудно сбить с толку. Они являют собой тип доверчивого, простодушного и даже наивного народного характера. Только такие и могли пуститься в странствование по русской земле в надежде найти счастливого человека. Эти герои пришли из условного, сказочного мира и наделены теми свойствами, которые, возобладав в человеке, делали из него героя таких анекдотических рассказов, какие существовали о пошехонцах. Несомненное родство героев Некрасова с фольклорными «прототипами» особенно ясно обнаруживается в «Прологе», но оно заметно и позднее. Правда, Некрасов, в отличие от фольклорных сказок и анекдотов, постоянно сочетает сказочную иронию, обычную в таких случаях, с серьезным, преимущественно печальным рассказом о мужиках. Серьезный тон повествования соединяется здесь с тем, что некогда Пушкин очень точно охарактеризовал как веселую насмешливость русского ума. «Старик Пахом потужился // И молвил, в землю гляючи: // Вельможному боярину, // Министру государеву». Насмешка коснулась и рассказа о Прове: он думает, что счастлив царь, — крестьянин хватил выше всех и явно убежден, что прав... Некрасов не сдерживает иронии и продолжает:

Мужик, что бык: втемяшится
 В башку какая блажь,
 Колом ее оттудова
 Не выбьешь...

---

¹ Цитаты из поэмы приводятся по изданию: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III. М., Гослитиздат, 1949. Курсив, кроме случаев, специально оговоренных, принадлежит Некрасову.

И еще не раз посмеется Некрасов над своими мужиками: у каждого было дело, всяк шел за своим, а тут забыли обо всем:

Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей,
Идут — перекосятся!
Кричат — не образумятся!

И вдруг среди насмешливого рассказа печально роняет:

А времечко не ждет.

Еще печальнее слова поэта о ночи, которой не заметили мужики: сошла темнота на землю, зажглись звезды, от месяца через дорогу протянулись тени.

Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

Зазвучали интонации Некрасова — «печальника горя народного». Загадка о неуловимой тени: «Чего не догонишь?» — превращена едва ли не в символ мрака, опустившегося на огромную крестьянскую Россию. Самый спор мужиков о счастливом человеке теперь уже не кажется таким смешным, как раньше. Этот спор так озаботил мужиков, что повыжил их из домов, раздружил с работой и отбил от еды. Доведется ли им найти счастливого?! Таких печальных интонаций не бывало в речах веселых и иронических народных сказочников: их занимало другое. Неожиданные интонации Некрасова выдают серьезный замысел поэмы.

Вернемся, однако, к оставленным нами мужикам. Счастлив ли поп? Поп сетует: дороги трудные, приход большой, родятся, умирают люди — не выбирают времени: в жнитво, в сенокос, глухой осенней ночью, в лютые морозы, в вешнее половодье, а «иди — куда зовут!». Болит душа, когда видишь страдания людские:

Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!

Нельзя к этому привыкнуть. Поп закончил речь словами: «Теперь подумайте, каков попу покой?..» «Крестьяне мало думали...» — говорит Некрасов: красноречив был поп!

О почете, который оказывают попу, и говорить нечего.

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей? —

спросил поп у крестьян, и те «позамялись». Молчат и кряхтят. Не в чести духовное сословие у народа: и сказки, и песни непристойные, и всякая хула — все о попе, попадье и поповой дочери. Совсем застыдил поп совестливых крестьян. Только тем и оправдались, что ругают попа «не сами... по родителям».

Теперь посмотрим, братия,
Откудова богачество
Поповское идет?.. —

продолжает поп. Из его слов следовало, что все богатство — от помещиков. В прежние времена они не чуждались сельского прихода, венчались здесь, крестили детей, да и отпевали их в приходе:

Попу поправка добрая,
Мирынам праздник праздником...
А ныне уж не то!

Теперь времена изменились — «живи с одних крестьян...», собирай мирские гривенники, пироги по праздникам, яйца. Но ведь:

Крестьянин сам нуждается
И рад бы дал, да нечего...

Поп сумел тронуть простодушных мужиков не столько тем, что ему самому горько приходится, сколько тем, чему он бывал свидетелем в жизни крестьян. Вот как рассказывает поп о смерти кормильца в крестьянской семье: напутствуешь усопшего, по мере сил стараешься поддержать бодрость в оставшихся, а тут старуха, мать покойного, тянется с платой: в костлявой и натруженной руке звякают два медных пятака. «Душа переверотится», — признается поп. Берешь и зна-

ешь, что берешь из последних крестьянских грошей. И тут же добавляет себе в оправдание:

Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние
Не брать — так нечем жить...¹

Дело все же нечистое — чистым было бы не брать. Иной из попов признавал это: «Не всякому и мил крестьянский грош». Видно, и попу в последние времена пришлось худо, хотя и нельзя сравнить поповские беды с крестьянскими. Странники едва не отколотили Луку за прежние речи о «дворянах колокольных»:

...Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир...
Малина — не житье!
Попова каша — с маслицем,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с сметком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!

Но ведь и Лука прав по-своему: «колокола горластые» и впрямь «попова вотчина».

Прием скрещения оценок жизни попа, сделанных с разных точек зрения, дал необычайно важные результаты. Эти оценки уточняют друг друга, углубляют реализм изображения, и в итоге возникает мысль о том, что благополучие попа непрочное: во времена, когда были богаты бары, благополучной была и жизнь попов, но обеднели господа — пошатнулось благополучие и попов. И поп и барин живут от трудов крестьян. Настоящее счастье, прочное, добывается *своим трудом*. Мысль о трудовой жизни как основе человеческого счастья не высказана странниками Некрасова. Им, простодушным и наивным, ясно только, что среди попов, по давнему прозвищу, «захребетников», нет счастливых. За странников вывод о счастливой жизни в труде вправе был делать сам читатель.

---

¹ Курсив мой. — В. А.

На пути странников — веселое праздничное село. Может быть, здесь найдут они счастливых? Глава «Сельская ярмонка» слепит глаза яркостью красок. Не будни описывает Некрасов — праздник. Народу сошлось видимо-невидимо. Кругом все горласто, хмельно, пестро, красно, на парнях плисовые штаны, полосатые жилетки, рубахи всех цветов. Таких описаний литература не знала со времен Гоголя. Поэт различил в веселом шуме ярмонки и то неизбывное горе, которое придало веселью грусть, а бесшабашную радость пьяных мужиков обратило в трагедию.

Еще по дороге в Кузьминское, где шумела ярмонка, видели наши странники: лежит земля под пасмурным небом печальная и нагая. Все чернеховько — нет травы! Лишь на Николу вешнего, а это уже май, установилась погода. Дождливая весна сулила беду — вымокли всходы, не будет урожая. Но есть еще надежда: смилуется господь, пошлет ведренные дни — и вот гуляют люди, шумит ярмонка.

Не захотел Некрасов раньше времени печалить веселое описание. Грусть лишь коснулась рассказа. Хочет народ над незадачливым мужиком-недоростком: гнул ободья — один погнул, не нравится, принялся гнуть другой, а обод и распрямись, да мужика — по лбу, ревет мужик над ободом — «ругает драчуна». Другой, пьяный, вывалил воз с деревянной поделкой: ось сломалась, стал ее чинить — сломал топор. Принялся и этот мужик ругаться. Смеются люди, да не надо всем. Какой-то старик убивается: обещал купить обновки всем в семье, внучке — козловые ботиночки, да пропился. Спасибо, выручил старика Павлуша Веретенников! Грустные интонации зазвучали и в другом рассказе. Была на ярмонке лавочка, где офени запасались своим товаром — книгами и картинками. Охотнее всего брали портреты генералов: «Грудь с горю, глаз навывкате, // Да чтобы больше звезд!» Был здесь и портрет архимандрита Фотия, и Блюхера, и разбойника Сипко, а среди книг — «Шут Балакирев» — собрание анекдотов, «Английский милорд». Гоголя и Белинского нести бы мужику с базара! — восклицает Некрасов.

Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?

В первый раз поэт от себя обратился к крестьянам.

Завершается глава картиной буйного пьяного веселья:

Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!

Глава «Сельская ярмонка» многим отличается от предшествовавших ей. Если пользоваться определением, которое было в ходу у критиков тех лет, когда писалась поэма, — это «натуральный очерк» в стихах.

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?

С обстоятельностью «натурального очерка» упомянуто о двух церквах в селе — старообрядческой и православной, о пустом, наглухо забитом училище, о грязной гостинице, украшенной вывеской: носатый чайник на подносе в руках «подносчика» и чайные чашки, о торговых рядах, наподобие уездного гостинного двора... Некрасов был большим мастером «натурального очерка» и еще до поэмы «Кому на Руси жить хорошо» создал великолепные стихотворные описания в этом роде: «В больнице», «Свадьба», «О погоде», «Деревенские новости», «Пожарище». Эти особенности «Сельской ярмонки» приводят к тому, что она служит как бы экспозицией к главе «Пьяная ночь».

Сказочные поиски мужиками счастливого человека позволили Некрасову непосредственно воспроизвести жизнь крестьянской Руси пореформенных лет.

III

Веселье, изображенное в главе «Сельская ярмонка», обернулось тягостной картиной хмельного разгула. Глава «Пьяная ночь» памятна всем жалким и

трагическим безобразием сцен. Пьет народ, в драке уже убили кого-то, ползут избитые, валяются упившиеся. У кабаков и совсем худо: смятение, сбились подводы, плачут дети, женщины не дозовутся мужиков.

В многоголосом шуме пьяных, развязавших языки мужиков слышатся и речи, каких в другое время не услышишь. В каждой реплике свой смысл, и из них возникают приметы времени — растревоженным ульем стала Россия после реформы.

Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана... —

слышится один голос. Его прервал крик: «Посторонись, народ!» — акцизные чиновники с бубенцами пронесли мимо. Акциз — сбор пошлины с торговли. Чиновники, видно, поживились на ярмонке. Затем тот же мужик (а может, и другой) продолжает толковать:

А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!

Мысль высказана окольно, как в загадке. Реформа, по-видимому, и есть тот худой веник, кое-какой сор выметет, а чистоты не наведет.

За прошение к начальнику губернии полтинничек писарю — учит кто-то. «В Питер не ходи», — наставляет, может быть, мать свою дочь: крестьянки искали счастья в городе, да не лучше и там складывалась их судьба, чем когда-то у помещика:

Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою...

Никого не щадят горькие стихи поэта. Словами самих крестьян объяснил Некрасов причины народного пьянства. Заговорил Яким Нагой, мужик из деревни Босово. Про себя он сказал, что «до смерти работает, //До полусмерти пьет!..» Трудно найти в поэме, где много рассказов о трагических крестьянских судьбах, еще такую, полную внутренней силы речь, речь-исповедь.

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть? —

спрашивает Яким и еще горячее продолжает:

Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем...

Из речи Якима следует: мужику сколько ни работать, достатка не видать. Как кончил работу:

Глядишь, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

Так и пройдет жизнь. Это понимают и сами крестьяне:

Живет — с сохою возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

Впервые в русской литературе с такой ясностью было сказано о том, что делает крестьянина бунтарем и какой силы может быть его бунт:

У каждого крестьянина
Душа что́ туча черная —
Гневна, грозна — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям...

Из стихотворных строчек Некрасова, из ритмов, из огненных слов полыхнул жар мужицкого гнева. Писатель угадал в крестьянине ту энергию гнева, которая позднее потрясет Россию грозой революции. Нельзя, однако, не видеть — на это особо указывает и сам Некрасов, — что вспышка гнева в Якиме Нагом, как и у других крестьян, не приводит к грозному исходу.

Пошла по жилам чарочка,
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!

Знали те, кто спаивал народ, как укротить бунтарство в мужике. Об этом Некрасов писал еще в стихотворении «Вино» (1848), столь же ясно, как и в поэме.

В главах «Сельская ярмонка» и «Пьяная ночь» композиция более сложная, чем в главе «Поп». Героем

поэмы стала многоликая, разноголосая толпа. Очень точно об этом писал П. Н. Сакулин: «Некрасов — мастер массовых сцен, опытный режиссер. Он составил из народа многоголосный хор и, искусно дирижируя, заставляет выступать то солистов, то весь хор»¹. Здесь, как мы видели, есть и описания в духе «натуральной школы», и обширная речь — исповедь Якима Нагого, сопровождающаяся встречными оценками и замечаниями странников, а также других персонажей повествования. В этих главах «стержневая» мысль поэмы получает дальнейшее развитие. Кратка и обманлива радость светлого праздника. Ее сменяет трагедия пьяной ночи. Все увиденное и услышанное должно привести читателя к мысли, что счастье, как его понимают крестьяне, — недостижимо для них. Не видать им достатка: все добытое ими тяжким трудом уходит к «дольщикам», потому и пьют крестьяне, их пьянство — следствие народной беды. И в самом народе, изображенном Некрасовым, смешалось трагическое и комическое, сильное и слабое, прекрасное и безобразное. За всем этим чувствуется грозная сила, способная разворотить все вокруг, но эта сила укрощена пьянством, а всего более — недостатком сознания. Народу еще неведомы ни Гоголь, ни Белинский. О знакомстве народа с ними еще только мечтает Некрасов. Дает поэт и прямую «тематическую» иллюстрацию своей мысли — в подтверждение речи Якима о неистребимой народной силе грянула песня о широкой Волге и молодецкой удали, песня, которая

По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

В каком же направлении обнаружится эта сила? Способен ли народ на сознательные действия, сознательную борьбу? Размышления Некрасова над этим вопросом определяют дальнейший ход развития поэмы.

IV

Главой «Счастливые» завершается описание разгульного народного праздника. Важнейшая часть главы — история Ермила Гирина, деревенского правдо-

¹ П. Н. Сакулин. Некрасов, с. 59.

люба, заслужившего безусловное уважение народа своей честностью и бескорыстием. Был грех и у Ермила: когда он служил старостой, он сдал в рекруты вместо своего брата сына бедной старухи. Совесть замучила Гирина за этот поступок, чуть не довела до петли, и он покаялся перед народом. Крестьяне миром восстановили правду, и не лишился Ермил прежнего уважения. Это сказалось, когда в споре Гирина с купцом Алтынниковым обида, нанесенная Гирину, была принята народом как своя обида — и «чудо сотворилось»:

На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!

Одолжили крестьяне Ермилу нужные деньги — набрали по пятаку, по целковому:

Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней...

Честность и справедливость привели Гирина, когда взбунтовалась деревня «Столбняки»... в острог!

Да! был мужик единственный!
Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!

Гирин сочтен почти счастливым за то, что стоял за мир, за правду, за то, что, чуть поколебавшись, устояла его верность ей. Правдолюбие Ермила крестьянского, мирского толка. Наверное, движимые такими же или подобными чувствами, стояли за крестьянский мир и те, кто погибал в Бездне, кто бунтовал против властей и в других местах России.

Итогом раздумий мужиков, узнавших историю жизни Гирина, явилась мысль, что для счастья необходима «строгая правда». Этот этический принцип обнаружился уже в главе «Поп». Из следующих глав стало ясно: честное трудовое счастье невозможно на Руси из-за порядков, при которых крестьян грабят «дольщики». Оставалось добавить, что человек, живущий

по законам настоящей правды, неминуемо сталкивается с теми, кто живет за счет крестьян. Это сделано в главе «Счастливые». «Стержневая» мысль поэмы приобретает очевидный политический характер: соблюдение этических народных норм натывается на силы, мешающие их осуществлению. Чтобы быть счастливым, надо «жить по правде», но быть честным и жить в достатке нельзя.

Глава «Счастливые» пестрит вставными рассказами-новеллами. Хотя эти рассказы не идут в сравнение с историей Гирина в том отношении, что не заключают в себе столь важного для всей поэмы смысла, но и они необходимы ей. В них множество горьких и печальных характеристик «счастья», возможного на Руси. С историей Гирина их соединяет та мысль, что счастье людей, желающих честно жить, непрочно, это иллюзия, самоутешение, часто смешное, а порой и жалкое.

В этой главе видоизменяется художественно-образительный принцип скрещения оценок, используемый Некрасовым. Этот принцип и здесь служит средством заставить своих читателей думать над повествованием. Но, в отличие от других глав, скрещение оценок здесь не спор по существу, а средство горькой иронии. Ирония сочетается с грустным повествованием, и это сочетание производит сильное и сложное художественное впечатление. Не распространяется ирония лишь на большую часть истории Ермила Гирина, однако она есть и здесь: странники не встретили Ермила, а слышали о нем. Сам «счастливый» — в остроге.

Калейдоскопическая пестрота вставных новелл самим соседством своим и разнохарактерностью подчеркивает необходимость извлечь смысл из всех этих историй. Разные по времени и месту действия, новеллы подтверждают общую мысль о невозможности счастья для простых людей. Этому назначению соответствует и драматизация повествования: место действия превращается в сцену — приходят и уходят люди, каждый доказывает, что он «счастлив». Автор очень скуп описывает внешний облик «счастливых», обычно он дает несколько внешних штрихов: дьячок — «тощой», старуха — «рябая, одноглазая», солдат — «с медалями» и пр. Все существенное раскрывается непо-

средственно в речах персонажей. Это делает принцип скрещения оценок особенно явным.

Очевидно сходство главы с предыдущими в самом типе композиции, но в каждом новом случае приемы варьируются, разнообразятся и тем самым сохраняют свежесть и оригинальность неизменно движущемуся и изменяющемуся повествованию.

V

Охват явлений жизни в поэме от главы к главе становится все шире, изображение значительнее, глубже, многостороннее. На очереди у Некрасова рассказ о судьбах помещичьей России. Какой новый поворот в развитии «стержневой» мысли поэмы вызывает такой ход сюжета? Дело не только в том, что Некрасов остался верен общему сюжетному замыслу устроить встречу странников со всеми теми, кто назван в «Прологе». Мы могли убедиться, что параллельно сюжетной последовательности развивается и внутренняя мысль поэмы, — и эта мысль много важнее, чем непосредственный ход сюжета: во имя упрочения ее в народном сознании задумана вся поэма.

Предшествующие главы привели читателя к мысли, что счастливая жизнь для крестьян на Руси невозможна. Народ составляет огромную силу, но силу со скоро проходящими вспышками гнева, силу, не укрепленную сознанием своих стремлений и целей, хотя и готовую объединиться, чему свидетельство — покупка мельницы Ермилом Гириным. Но в поэме пока еще недостает широты в изображении русской жизни. Вот почему, перемещая взгляд с народной Руси на Русь помещичью, Некрасов вводит своих странников и читателя в обсуждение острейших моментов социального развития России.

Композиционный принцип главы «Помещик» ближе всего к главе «Поп», но если в главе «Поп», строго говоря, было только сопоставление оценок попа и крестьян с тем, чтобы возможно полнее обрисовать реальное явление, то в главе «Помещик» этот прием предстал как столкновение непримиримых точек зрения. Недобро началась встреча «смирненных» мужиков с Гаврилой Афанасьевичем Оболтом-Оболдуевым.

Решил барин, что крестьяне напали на него, выхватил шестиствольный пистолет, навел на странников. И хотя он его убрал потом, такое знакомство определило и последующие отношения странников и барина. Помещик зол, все раздражает его в мужиках. Впрочем, и крестьяне, при всем своем простодушии, не слишком покорны. Они просят помещика дать им «слово крепкое», что отвечать он будет правду:

Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной... —

говорят мужики помещику. «Эге! какие новости!» — едва сдерживает гнев барин, но все же соглашается. Вопрос крестьян: «Сладка ли жизнь помещичья?» — вызывает у него горький смех. В неестественности перехода из одного состояния в другое есть что-то от кровной, глубокой и бессильной обиды. При условности сцены — барин «исповедует» перед крестьянами, — Некрасов правдиво передает переживания крепостников после объявления «воли», душевные терзания помещика. Помещику непереносима мысль, что крестьяне свободны. Он ломается:

Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

Крестьянам непривычно сидеть перед баринном, но барин — вся предупредительность:

Нет, нет!
Прошу садиться, *граждане!*

Что делать — сели крестьяне. С язвительностью, на какую только был способен, помещик спросил: «И мне присесть позволите?» — и вдруг рявкнул:

Эй, Прощка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!

И начались гордые, радостные и печальные речи помещика о старом времени. Чаще всего была в этих речах скорбь; способная мгновенно переходить в гнев. Речи помещика нередко перебиваются ответной речью крестьян: барин нет-нет да и попрекнет мужи-

ков чем-нибудь или заденет их как-нибудь. В простоте душевной крестьяне иногда попадают впросак, но нередко и такое скажут, от чего барину совсем не по себе. Крестьяне постоянно «поправляют» помещичьи речи, иногда уничтожают весь их смысл.

Спросил помещик у крестьян, слышали ли они что-нибудь о «родословном дереве». Откуда неученым мужикам знать о таком дереве?

Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое! —
Сказали мужики.

Но вот барин дошел до рассказа о своем древнем предке, который был пожалован наградой за «медвежью потеху». «Ну, поняли любезные?» — спросил Гаврило Афанасьевич мужиков.

Как не понять! С медведями
Не мало их шатается
Прохвостов и теперь... —

ответили они. Барин похвастал своим прапрадедом по матери: в старинной грамоте сказано, что вместе с князем Щепиным и Васькой Гусевым он «пытал поджечь Москву» — вот откуда идет его «дерево дворянское». Крестьяне насмешливо заметили:

А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева?..

С умилением барин вспомнил о своей прежней жизни — все в ней до последней мелочи мило ему. Крестьяне слушают и «посмеиваются в ус»: барин так воодушевился, рассказывая о псовой охоте, что стал кричать и размахивать руками — ему мерещилось, что он и въявь травит лису. Расхвалив миновавшую жизнь, барин разоткровенничался:

Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..

И тут же осекся, повел речь о том, какой ласковый он бывал! Прежняя строгость и кара шли... от любви.

Идиллия старой помещичьей жизни: пасхальные обычаи — лобызания с крестьянами, общая молитва во

всенощной службе, отхожие работы подрядчиков, благодаривших потом барина за милость, — все минуло. Над Русью разносится похоронный звон: звонят колокола по жизни помещиц — «теперь не та уж Русь!». Со слезой в голосе Оболдуев заговорил о печалях помещиц Руси: о запустении усадеб, о порубке барских садов и лесов; едешь по деревне, мужик сидит, не двинется. «Порядку нет следа!» На дорогах попадаются не прежние помещицьи дормезы и брички, а все пьяные крестьяне, акцизные чиновники, пересыльные поляки, посредники, а порой встретишь и воинскую команду: должно быть, бунтует «в избытке благодарности» селенье где-нибудь. Повсюду «распложаются» питейные дома. Вывеска «Навынос и распивочно», словно клеймо на преступнике, — на всей Руси.

В этой речи все правда, и ни разу барина не перебили крестьяне. Сам Некрасов своими глазами видел все это, видел даже эту вывеску на остатках усадьбы покойных родителей в Грешневе¹. Однако помещики не хотели расставаться со своими привычками. Я не крестьянин-лапотник, и мне ли жить своими трудами, как меня учат журнальные писаки! — восклицает Оболт-Оболдуев. Зарыдал помещик от жалости к себе. Речь его вызвала в мужиках осуждение и насмешку, но поняли они, что конец прежнего всевластия был для него настоящим горем. Поняли крестьяне:

Порвалась цепь великая,
Порвалась, — расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..

Речь Оболта-Оболдуева порой возвышается до пафоса:

Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе... —

восклицает он. Всем владел господин — каждой травинкой, нивой со спелым колосом, плещущей в реке рыбой, зайцем в лесу... Ироническое отношение Некрасова к этой взволнованной речи очевидно.

---

¹ «Литературное наследство», т. 49—50, с. 140.

И содержанием и целенаправленностью глава «Помещик» вводит читателя в обсуждение вопроса о непосредственных причинах, которые мешали крепостной Руси быть счастливой. Этические принципы, выраженные в предшествующих главах, целиком разошлись с обычаем, давней привычкой и всеми помыслами помещиков. Поэт не оставляет места для каких-либо иллюзий, которые еще могли существовать у патриархальных крестьян его времени. Полюбовное решение давнего спора крестьян и помещиков исключено.

VI

Прежде чем продолжать разбор, необходимо было бы подробно остановиться на вопросе о порядке частей и глав в поэме, вопросе, который до сих пор считается нерешенным и вызывает постоянные споры. Входить в детальное рассмотрение аргументации в пользу того или иного решения сейчас у нас нет возможности: мы бы рисковали уйти от решения тех вопросов, которые уже поставлены и требуют ответа. Вопрос о композиции займет нас в особой главе, а пока лишь скажем то немногое, что совершенно необходимо для дальнейшего изложения. Прямые авторские указания дают такой порядок частей: «Пролог», часть первая, «Последыш» (из второй части), «Пир — на весь мир» (из второй части), «Крестьянка» (из третьей части). Этот порядок мы и принимаем в нашем анализе.

В главе «Помещик», которой заканчивалась первая часть поэмы, от мысли, что счастье для простолюдина на Руси невозможно из-за того, что крепостники всегда строили и готовы строить впредь свое счастье на крестьянских бедствиях, Некрасов перешел к характеристике жизни верхушечных социальных групп. Их изображение позволяло ввести читателя в рассмотрение острых политических вопросов: в первую очередь о существовании реформы 1861 года и о грядущих судьбах народа. Уже в главе «Помещик», бесспорно, обнаружилось намерение Некрасова помочь народу осознать свои цели и политически определить свое отношение к крепостникам. В Оболте-Оболдуеве предстала Русь крепостников с их притязаниями на особое

положение в жизни, с их моралью, привычкой глядеть на труд мужика как на источник своего изобилия и благополучия. У нас все основания ждать, что за главой «Помещик» должны следовать главы, еще более политически острые.

Из второй части поэмы Некрасов успел написать главы «Последыш» и «Пир — на весь мир». Хотя они и связаны самым тесным образом, но многое сильно отличает их друг от друга. Глава «Последыш», если воспользоваться словами одного из ее персонажей, — «камедь», а глава «Пир — на весь мир» — полное патетики, серьезное, даже торжественное повествование, лирика, гимн русской земле и скрытым в ней силам.

В главе «Последыш» выведен крепостник не менее злобный, чем Оболт-Оболдуев. Князя Утятина хватил удар, когда он узнал о реформе:

Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соришку он терял.

Обо всем, что произошло после этого, рассказал странникам староста Влас, а сами они сделались свидетелями последнего, допущенного по воле самих мужиков, барского самодурства. Образ Утятина стал почти олицетворением издыхающего крепостничества:

...Худой! как зайцы зимние
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные
И — разные глаза:
Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

Таковыми крепостники изображались еще только в «Сказках» Салтыкова-Щедрина: та же хищная повадка и то же человеческое уродство. Все в «Последыше» являет собой господское всевластие и дикое озлобление против «рабов», поругание их человеческого достоинства. Здесь и приказ женить шестилетнего Гаврилу Жохова на вдове Терентьевой:

Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодились
И правили тягло! —

и приказ пастухам унимать коров, как начнут мычать, идучи мимо барского дома: не будили бы барина, и

многое другое. Царская цензура увидела в главе «крайнее безобразие содержания» и «пасквиль на все дворянское сословие»¹.

Но и другую сторону видит Некрасов. Привычка властвовать так же присуща помещику, как и привычка покоряться — крестьянину:

Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна.

Это знают и сами мужики. Рассказанной Пахомом историей о Сидоре, который и из острога посылал барину оброк, открывается серия вставных новелл о силе крепостнических привычек в крестьянине. Дворовый Ипат и после «Положения» считает себя по-прежнему холопом князя и сам растроган собственной преданностью. По-своему верна прежней жизни и Вахлачина — вахлаки добровольно надели на себя «хомут», по-прежнему признают себя крепостными, рассчитывая получить после смерти Уятинина поемные луга. Верен прежней жизни и Клим Лавин, мнимый бурмистр. Это прежняя, с крепостных времен идущая приниженность крестьянина, но вывернутая наизнанку. Клим ничего не чуждается и не брезгует никакими средствами, чтобы угодить и барину и миру.

Влас по-всякому честит Клима: «пьяница», «на руку нечист», «бродяга», «Как рукомойник кланяться // Готов за водку всякому...», «горазд орать, балясничать» и прочее в таком же духе. Единственное убеждение Клима, согласно которому он и живет, — в «поговорке»: «за погудку правую // Смычком по роже бьют»².

---

¹ В. Е. Евгеньев-Максимов. В руках у палачей слова (К сорокалетию смерти Н. А. Некрасова). — «Голос минувшего», 1918, № 4—6, с. 90.

² Климу Лавину была посвящена отдельная статья К. Ф. Яковлева «Кто же он — Клим Лавин?» (журн. «Русская литература», 1961, № 2; см. то же в сб.: «Истоки великой поэмы»). В статье поднято настоящее «следственное дело» о Климе — был ли он замешан в одном заговоре с наследниками Уятинина против крестьян. Ответив утвердительно на этот вопрос, автор статьи усматривает корни предательства Лавина не в судьбе деклассированных крестьян, а в прямом влиянии на Лавина столичных либералов. Вряд ли правомерна такая постановка вопроса.

У Клима на совести смерть Агапа. Это он, Агап Петров, корил мужиков за согласие выдавать себя за крепостных:

Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут с охотою...

Это он назвал Утятину «Последышем» и хлестнул опешившего князя словом: «убью!»

...Цыц! Нишкни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы последышу
Пинка — и кончен бал!

Над одним Агапом оказалась невластна сила привычки, остальные же в той мере, в какой они остались во власти прежнего, — рабы.

Все же приходит конец прежней покорности и рабству. Смерть Утятина, по словам Некрасова, отозвалась радостью в мужицких сердцах:

Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не выпускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки...

Так прощалась народная Русь со своим крепостным состоянием.

Глава «Последыш» дополняет и уточняет смысл главы «Помещик». От картин прошлого Некрасов переходит к пореформенным годам и рассказывает о том, что происходит на глазах у странствующих мужиков в глухом углу русской земли. Хотя старая Русь и меняла облик, но крепостники оставались теми же: Последыш — едва ли не символ неподвижности, тупости помещиков-крепостников. Они хотели бы оставить все по-прежнему, но становятся иными их недавние рабы, хотя и в них еще много от прежних покорности и приниженности. Это, конечно, еще не чаемое Некрасовым движение народной силы, но это уже не «тишина», не молчание убитой страны, в оцепенении ждущей новых

бед. Это пробуждение крепостного народа, поставленного волей судеб перед необходимостью думать, размышлять, как жить после реформы 1861 года. Возникает мысль о том, что крестьянское счастье невозможно *не только потому*, что властвовали крепостники, но и потому, что привычка к рабству и покорности еще сильна в самом народе. Эта мысль получит полное развитие в следующей главе.

VII

Глава «Пир — на весь мир» задумана как рассказ о краткой радости мужиков-вахлаков, считавших, что со смертью старого князя Утятина у них начнется новая жизнь. Не случайно и первоначальное название главы «Поминки по крепям». Глава «Последыш» удерживала повествование в пределах эпического рассказа о странствовании крестьян: они стали свидетелями исхода всей истории вахлацких мужиков. Глава «Пир — на весь мир», тематически продолжая «Последыша», всецело состоит из воспроизведения крестьянских толков о только что кончившемся и недавнем прошлом, о свободе и о своей будущей судьбе. Столкновение мнений, спор — словом, тот прием перекрестных оценок, который известен и по другим главам, предстал здесь как самый важный и определяющий момент композиции.

Начинается глава со вступления, в котором сконцентрированы основные идеи, развивающиеся во всей главе. И первая идея — о беспочвенности мужицких надежд. В конце предыдущей главы Некрасов сказал о преждевременной радости вахлаков, считавших, что поемные луга уже принадлежат им. Во вступлении он продолжает эту мысль:

Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаются
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.

Но обошлось, говорит Некрасов, только случайно:

Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,

А чаще изворотами
Крестьян-руководителей...

Так и здесь: случайно достались крестьянам поемные луга, празднуют вахлаки, и даже Власу, твердо знавшему, что надежды на лучшее кончаются «ничем или бедой», что

Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид... —

показалось, что наступили другие времена, «сплошал старинушка»,

Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины... без подати...
Без палки... правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.

«Не в меру было весело», — говорит поэт о крестьянском пире.

«Горькое время — горькие песни», так назвал Некрасов первую часть главы «Пир — на весь мир», посвященную «поминкам по крепям». Первая песня — «Веселая» — о барском самоуправстве, о лихоимстве земского суда, о судьбе дворовых, о рекрутском наборе. Это — не народная песня, «народ ее не пел», замечает Некрасов. Спел ее Гриша Добросклонов, сын деревенского дьячка. Вслед за ним крестьяне

...свою вахлацкую,
Родную — хором грянули,
Протяжную, печальную —
Иных покамест нет.

Поэт прерывает эпическое повествование лирическим отступлением:

Не диво ли? Широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как вёдреный денек.
Не дивно ли? не страшно ли?

А время новое? Новое время тоже в песне скажется.

Но как?.. душа народная!
Воссмейся ж наконец!..

Какие песни родит новое время, об этом Некрасов скажет в конце главы, в части, названной им «Доброе время — добрые песни». Пока же — все песни «горького времени» и — «Веселая», и спетая вахлаками «Барщинная», и рассказы мужиков из соседней волости о недавнем времени:

Ходить далеко за словом
Не надо — все прописано
На собственной спине... —

сказ «Про холопа примерного — Якова верного», рассказы про богомольцев, про село Усолово и старообрядца Кропильникова, легенда «О двух великих грешниках» и особенно рассказ Игнатия Прохорова «Крестьянский грех» — о грехе старосты Глеба — подводят читателя к мысли о том, что нет греха тяжелее Глебова; по вине старосты тысячи освобожденных было людей еще десятки лет томилась в крепостной неволе.

Все прощает бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

У рассказа про «Иудин грех» двойной смысл, в равной степени важный для поэмы. Некрасов как будто обрушился силой своего гнева на старосту-мужика — и для этого было основание, о нем речь пойдет позднее, — но главное здесь все же не мужицкий грех. «Иудин грех» Глеба сродни преступлению тех, кто оставил Россию и по «освобождению» несчастной, голодной, зависимой. Рассказывая в поэме о грехе Глеба, Некрасов имел в виду и непростимый грех тех, кто обратил «освобождение» крестьян в «мерзость» и «надругательство» над ними. Поэт не мог знать, что даже при лучшем для крестьян исходе реформа не сделала бы их счастливыми. Только позднее марксистская мысль сформулировала точный социально-экономический вывод: «Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *полнее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер

дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем *свободнее* от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. *Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала»¹.

Крестьянскую Россию, освобождавшуюся от крепостничества и его пережитков, начинал кабалить новый хозяин, вышедший из мужиков: забирал власть деревенский богатей. Это Некрасов видел, и в связи с этим рассказ о жадном старосте Глебе обретает и другой смысл, кроме указанного. После рассказа о Глебе крестьяне поникли головой: словно пали опять «на дно бездонной пропасти», словно воочию увидели будущее.

Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Не солоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще — жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится...

Некрасов, конечно, не различал в крестьянине собственника и труженика, не подходил к действительности с такими социально-классовыми критериями, но он был художником, человеком, знавшим быт, надежды и чаяния крестьян, и догадывался, что таило в себе умножавшееся число деревенских богатеев, разных скупщиков, прасолов-выжиг для судеб многомиллионной крестьянской России. Голод, разорение несла жизнь «освобожденным» крестьянам. Песня «Голодная» («Стоит мужик — колышется...»), спетая так, что «слушать — дрожь по волосу!» — это обвинение «новой» буржуазной России.

Мы видели, что мужики Некрасова поняли, что впереди у них много худого. Их горестные мысли старался развеять Гриша. Он им сказал, что грех Глеба и другие крестьянские грехи родило крепостничество:

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173—174.

Змея родит змеенышей,
А крепь — грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепь — нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепь — нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему...

Это было правильно, но Гриша еще добавил:

Нет крепь — Глеба нового
Не будет на Руси!

А это было уже неверно. Даже самая решительная, революционная ломка крепостнических порядков не сделала бы невозможным повторение «Иудина греха». Иллюзорные представления о возможности социализма в результате крестьянской революции у демократов типа Григория Добросклонова скоро натолкнулись на суровую логику буржуазного социально-исторического развития — и Некрасову в 70-е годы стало ясно то, чего еще не знал ни он сам в 60-е годы, ни другие русские революционеры этого времени. Совсем не случайно повеселевшие после слов Григория крестьяне нет-нет да и усомнятся — все ли так будет, как они надумали. В повествовании появляется отрезвляющая от излишних надежд реплика о возможности повторения Глебова «греха». Кто-то из крестьян спрашивает у Лавина, уверившего вахлаков, что осуществится все жданное-гаданное:

По-нашему ли, Климущка?
А Глеб-то?

Последствия и возможные повторения Глебова «греха» не дают покоя крестьянам. В образе Егорки Шутова, крестьянина села Тискова, Некрасов дает как бы измельченный вариант того же «Глебова греха». Описание внешности Егорки:

...на шее красный, шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы... —

позволяет думать, что и здесь, корысти ради, были преданы какие-то крестьянские интересы: Егорку бьют не

только односельчане, но и жители окрестных деревень. Стало быть, есть за что!

Другая сцена — сцена с солдатом, израненным, но получившим полного «пенциона», также возвращает к мысли о неправде на русской земле. Солдат выкрикивает под бойкие удары ложек о недоданном «пенционе»:

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

В черновых вариантах главы гораздо откровеннее выражены эти мысли. Есть там, например, такой многоговорящий диалог вахлака с «мимоезжим» крестьянином:

— С промером?
— У-сча-стли-вле-ны!

Реформа не принесла добра народу, не сулило ему в 60-е годы добра и ближайшее будущее.

Некрасов не был бы, однако, революционным поэтом своего времени, если бы, не приняв иллюзии *ближайшего* социалистического обновления России в результате крестьянской революции, которыми жил в 60-е годы Григорий Добросклонов, одновременно осудил бы эту иллюзию вообще и тем более его *боевой крестьянский демократизм* (как известно, в этом образе воплощены многие черты Добролюбова). Несмотря на все худое в судьбах крестьянской России, Некрасов видел народную силу, способную двинуть страну вперед по пути исторического прогресса.

В предчувствии грядущего революционного обновления России написаны Некрасовым те части главы, которые повествуют о том, какие песни Григорий Добросклонов слагал о народе и его силе: в них выражена та надежда, которой только и могла жить Россия, обманутая, униженная, оскорбленная «Манифестом» и «Положением». Так, Григорий с братом поют песню, строгую, как священное пение, но только смысл ее не церковный. Народная доля, счастье народа, его свобода — вот дело, которому надо посвятить жизнь. Дело трудно и не по силам робкому и вялому:

Прочь от порога,
Трус и лентяй!

Григорий вскормлен и выращен родной Вахлачиной, он кость от кости ее, плоть от ее плоти. Вместо колыбельной пела ему мать песню, названную кем-то из вахлаков «Соленою». Бедствия родной стороны Григорий рано стал принимать как собственные:

...лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

И теперь, в новое, «доброе» время, «над Русью оживающей» звучит не песня матери, а другая, призывная — «души сильные» зовущая на бой за лучшую участь народа.

Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином... —

говорит Григорий. Слово «гражданин» наполнялось тем революционным смыслом, какой Некрасов привык вкладывать в него с давних времен.

Той же логикой собственных дум Некрасова о России 70-х годов и судьбах, ее ожидающих, продиктована знаменитая песня о Руси, убогой и обильной, могучей и бессильной («Русь»). Песня вобрала в себя все картины и сцены поэмы: и буйные речи Якима Нагого, и правдолюбие Ермила Гирина, и вахлацкое терпение и строптивость Агапа Петрова, и ловкачества Клима Лавина, и рабский бунт холопа Якова, и покаяние разбойника Кудеяра, и многое другое. Некрасов свел все картины из народной жизни к песенным строкам, которые стали гимном крестьянской Руси, Руси патриархальной, чья воля к счастью и свободе была равна ненависти к угнетению, но Руси, еще не знавшей, как пойдет она к чаемой свободе. И для Некрасова, как и для Григория, загадкой был волжский бурлак-богатырь с его бесконечным терпением. И все же верилось:

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Встали — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать поднимается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Это слова о грядущей крестьянской революции: она даст народу то, чего не дала ему реформа. Некрасов провидел движение самого народа — могучей крестьянской Руси, именно Руси, не России: с понятием «Русь» он связывал представление о пришедших в движение глубинных народных силах страны.

Рассматривая в целом главу «Пир — на весь мир» с точки зрения того, как в ней развивалась «стержневая» мысль поэмы, можно сказать, что ее композиция подчинена идее о том, что Россия переживает времена, после которых станет возможным народное счастье, трудовое, основанное на строгой правде, построенное средствами, которые исключают бесчеловечность, жадность, корысть — все, чем богата была крепостная Русь. Залогом этого грядущего обновления России было брожение народных умов, народное стремление разобраться в существе жизни, в причинах бед. Счастье может быть добыто только самим народом, если он уяснит себе, сколько сил таится в нем самом, если он оставит привычку покоряться и не даст себя в обиду. Эта мысль подкреплена в поэме рассказами об обманутых надеждах крестьян-вахлаков, о «грехе» Глеба, о мести Якова верного — «холопа примерного», песнями народа о голоде и бедах, призывными стихами Григория Добросклонова. Некрасов соединил в новом выводе идеи первой части поэмы — о том, что на Руси счастья для народа нет, и о том, что народ — огромная сила. Прежние идеи обретают новый вид: народ, лишенный счастья, может добыть его, если перестанет быть прежним — покорным рабом.

Поэт не свел своих странников с Добросклоновым. Поставить их рядом означало бы целиком разделить иллюзию 60-х годов о самом ближайшем революционном обновлении России. Странники могли бы увидеть в Добросклонове того счастливого человека, которого искали.

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.

Эти слова таят глубокий смысл: счастливыми на Руси были борцы за народное дело, и если бы крестьяне-

странники поняли правду Добросклоновых, то они и сами бы пришли к мысли, что незачем искать счастливого — его на Руси нет; они узнали бы, что только в борьбе можно достичь счастья. Так мог и должен был, по замыслу Некрасова, понять эти строки читатель. Сама же крестьянская Русь еще не уяснила себе, где ее счастье. Ей, размышляющей, обдумывающей свою судьбу, еще предстояло понять, что только революционной борьбой можно добыть то, чего ищут крестьяне.

Об этом говорит и такая, например, многозначительная подробность. Речь Григория о «крепи», конец которой будет концом «греха» на Руси, по словам Некрасова, «всех радостей» прослушал Пров — крестьянин, который считал царя самым счастливым человеком на Руси:

...Ослабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»

Может быть, вера в то, что царь по доброй воле освободил крестьян, и заставляла Прова считать царя счастливым. Что счастье крестьянской Руси где-то впереди — это стало почти ясно мужикам, но им еще предстояло решать, как искать свое счастье: в обращении к власти имущим или в совместной борьбе с теми, кто уже знал, какой «милости» можно ждать от «вельможного боярина», министра царского и самого царя.

В. И. Ленин писал о крестьянах: «С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости... С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, поюродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы»¹.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210—211.

Патриархальный крестьянин 60-х и 70-х годов XIX века не ставил еще для себя многие из тех вопросов, которые решали его сыновья и внуки в 1905—1907 годах. Тем значительнее революционный замысел поэмы Некрасова. Она несла свет правды крестьянину, указывая, что мужицкое счастье немыслимо без изменения жизни России силой народа. Рассчитывать на добрую волю властей не приходилось. Принять этот вывод, как нам кажется, требовала внутренняя логика задуманного поэтом окончания поэмы, а также смысл главы «Крестьянка».

VIII

Продолжая поиски счастливого, крестьяне собирались подняться на самый «верх» России. Только собственный опыт мог убедить их, что надеяться надо на себя. В этом отношении по-особому может быть истолковано развитие «стержневой» мысли поэмы в главе «Крестьянка».

Как бы значительно ни было само по себе изображение доли народа в главе «Крестьянка», не это здесь главное. Главное — другое: Некрасов отвечает на вопрос, чего можно ждать от властей. Это проясняет «стержневую» мысль поэмы и вместе с тем служит реализацией одного из завершающих этапов плана поэмы — встречи с чиновником... Но не будем опережать разбора.

Матрена вошла в поэму в сопровождении той песенной стихии, которая неотделима от печалей многокручинной и многострадальной русской женщины. Рассказ овеян лирикой народных песен, в основном горестных и печальных. Эти песни сопровождали жизнь крестьянина, по словам, кем-то пущенным в оборот, «от колыбели до могилы». Образ Матрены стал почти символом. Все в ней, в самом ее облике, повадке, речах, полно особого значения: и ее девичья целомудренность, и открытость для добра, и то, с какой прямоотой, не допускающей какой-либо лжи, она говорит жениху, по обычаю став на одну половицу против него:

Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:

Чтоб жить со мной — не каяться,
А мне с тобой не плакаться...
Я вся тут такова!

Во всех испытаниях жизни сохраняла Матрена человеческое достоинство. А судьба выпала ей самая горькая. Видно, не случайно по старинному свадебному обычаю в слезах прощалась невеста с девичьей волей. Жизнь Матрены даже за любимым мужем, «однолеточкой», в семье большой и сварливой, была бесконечно трудной. Что в вековечной песне певалось о свекре, свекрови, золовке, бранящих молодую, сбылось и с Матреной. Правда, муж жалел Матрену и не про него сложены строки:

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула...

Но сколько пришлось ей вынести: сына-первенца заели свиньи, становой, лекарь, сотский жестоко надругались над телом мальчика на глазах обезумевшей матери, высекли Матрену на миру за сына Федота: пожалел голодную волчицу... А бесхлебица, голод?!

Волчицу ту Федотову
Я вспомнила — голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!

Дважды горела, трижды бог посетил сибирской язвой...

Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин в бороне!..
Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...

И все же Матрена не испытала всех горестей, выпавших на долю женщины-крестьянки: она не стала солдаткой. Спасло заступничество губернаторши. Губернаторская милость была каплей добра в море зла и бед, выпавших на долю Матрены. О губернаторе есть выразительные слова швейцара Макара, переданные Матреной:

— Да добрый ли? — спросила я.
«Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем —
Как пес бываю зол».

Филиппа, мужа Матрены, благодаря губернатору не взяли в солдаты, но разве солдатчина перестала существовать? Власть предержавших Матрена видела и в другой, обычной для них роли:

Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порывивал...
...Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченые...

«Коршун налетный» — вот самая краткая и выразительная характеристика начальника. Она воспроизводит суть отношений крестьян и тех, у кого власть. К таким вот властям и должны идти странники Некрасова.

Власти приняли «участие» и в судьбе Савелия — «богатыря святорусского». Савелий — бунтарь. В нем вышла наружу та «гроза душевная», которую носила в себе Матрена. Мучительной была жизнь Савелия, но ничто не сделало его рабом: «Клейменный, да не раб!..» Из тех речей, которые вел сам с собой в долгие зимы на печи состарившийся Савелий, запомнилось Матрене:

«Недотерпеть — пропасть,
Перетерпеть — пропасть!..»

«Недотерпеть» для крестьянина равносильно гибели, но не лучше и «перетерпеть» — отчаяться, разувериться, покориться. Старость застала Савелия таким же непокорным, каким он и начинал жизнь:

Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!

Савелий не скрывает своего презрения к новым поколениям крестьян. «Наддай!» — так расплачивался бунтарь с врагами. С этим словом Савелий вместе с другими мужиками спихнул в яму и закопал живого свирепого управляющего немца Фогеля, а нынешние мужики это полюбившееся им слово пустили в ход... за чаркой:

«Наддай», — сказали странники...
И выпили винца...

«Как вы терпели, дедушка?» — удивилась Матрена, выслушав рассказ Савелия о том, как жестоко их порол

помещик Шалашников. Старик заметил: потому терпели, «что мы — богатыри». «В том богатырство русское», — прибавил он еще. В терпенье! И еще раз скажет Савелий о «нератном» подвиге мужицкого долго-терпения: сравнил он мужика со Святогором-великаном. «Тягу страшную» поднял он, а по лицу не слезы — кровь течет!

Состарился Савелий, не стало его богатырской силы. Такого-то богатыря, «чай, мыши заедят!» — пошутила Матрена. Савелий не рассердился, он и сам думал:

Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася?
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!

Богатырская, под стать Илье Муромцу и Святогору, сила у мужика могла и не разойтись «по мелочам». После этих слов и идет рассказ о немце Фогеле... Грозный призрак топора, крушащего и дробящего, зареял над рассказом Савелия, когда обронил он слова веселой и зловещей приговорки: «...наши топоры // Лежали до поры!»

О погибшем в Савелии богатырстве говорит и сравнение его с Сусаниным. В губернском городе видела Матрена:

Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий-дедушка,
Мужик на площади.
— Чей памятник? — «Сусанина».

Савелий лучше, чем другие, знал: справедливости от властей не дождаться: «Высоко бог, далеко царь...» (Да и Матрена засомневалась: «неужели ни бог, ни царь не вступятся...»)

Судьбы Савелия-бунтаря, русской крестьянки и ее семьи — все внушало читателю мысль о грозной силе, живущей в народе, силе, пока еще покорной, но — придет срок — могущей стать иной: ведь ключи от крестьянского счастья еще не найдены, хотя и прошла реформа.

Глава «Крестьянка» подкрепляла мысль о грядущем изменении жизни России волей и силой народа. Некрасов не оставлял места для иллюзий, что народу можно ждать от власти какого-либо облегчения своей участи. Эта глава с рассказом о бунтаре Савелии, его слова

о тяжелой правде: закрыты пути к счастью в России, три дороги у крестьянина — острог, кабак, каторга, три петли у крестьянки, и многозначительная концовка о ключах к крестьянскому счастью, затерянных у самого бога, — все характеризует революционный демократизм Некрасова с самой радикальной стороны.

IX

Судя по черновым наброскам, поэт не оставил мысли устроить встречу своих героев с чиновником-исправником в задуманной им главе об осенней сибирской язве с предварительно данным названием «Смертушка»¹. Поэт думал о том, что еще успеет зимой привести своих героев в Петербург: мужики должны повидать государева министра, а затем и самого царя². Место этих глав в поэме определено словами Матрены:

Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю...

Следовательно, встреча странников с ними должна произойти после «Крестьянки». Где-то, может быть, и в третьей части, но тоже после «Крестьянки», могли встретиться мужики и с купцом. Место этой главы определено словами странников, обращенными к Матрене: «...чем нам искать чиновника, купца, министра царского, царя...» Среди черновых бумаг Некрасова сохранилась запись нескольких фраз о купце-лицемере, который хитрит с самой судьбой³. Трудно сказать, какой бы вид приняли эти наброски в самой поэме. Судя по «Современникам», образы воротил российской промышленности, коммерсантов-купцов обрели в произведениях Некрасова черты, соответствующие «масштабам» их деятельности в России: эти господа наживали миллионные состояния на страданиях народа. В черновом наброске, по-видимому, относящемся к ранним временам, трактовка купца дана

¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III, с. 647.

² См. «Литературное наследство», т. 53—54, с. 190.

³ По предположению К. И. Чуковского, эта запись относится к «Кому на Руси жить хорошо». См.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III, с. 648—649.

еще в «масштабах» гоголевского времени: купец — плут, аршинник, он еще не такой, каким мог стать в широкой по замыслу поэме. Все же осуществление ненаписанных глав было в значительной мере подготовлено поэтом. Мужичья правда о русской земле столкнулась бы с суждениями о России ее отцов и благодетелей.

Среди бумаг Некрасова сохранился и черновой набросок речи, которую должен был сказать исправник, отвечая на вопрос, счастлив ли он¹. Несчастлив исправник: «Прежде думал: исполняю долг, закон — и спал спокойно. А тут не стало спать. Пуще всего подати да мужичьи ваши преступления». Исправник жалуется, что и сам он подневольный человек: велят собирать подати: «Я вор! Не знаете, где воры-то. Вы воры, что ли? Ну, а я чем хуже вас? Какие такие мои прихоти? По Сеньке шапка». Другими словами, не он, исправник, виноват: подати собирает не для себя. «Как позовет тебя губернатор да даст приказ во что бы то ни стало к такому-то... очистить... Ну, и едешь во все свое царство, в уезд...» Исправник не скрывает и того, что берет взятки, но ведь, продолжает он, со взяток не разбогатеешь: «Яичница! Сивуха! Сколько ни надери коры в лесу, кроме лаптей, ничего не поделаешь из нее».

Задуманные главы, вероятно, должны были ввести читателя в разбор противочеловеческого механизма российского государственного угнетения, который действовал без пощады и лишал самих исполнителей его неумолимой воли сознания честно исполненного долга.

Поэма вела читателя к мысли, что пореформенная Русь не знает счастливого человека, хотя каждый несчастлив по-своему. Как мы видели, несчастливы и верхушечные сословия, хотя их несчастья иного рода, чем несчастья крестьян. Поэт обдумывал сопутствующие этому сюжетные решения. «Чем дальше пишешь, — говорил незадолго до смерти Некрасов, — тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видел ясно, где ей

---

¹ Опубликовано впервые В. Е. Евгеньевым-Максимовым в 1914 г. в приложении к газете «День» (№ 25). Приведено в кн. В. Т. Плахотишиной «Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», изд. Киевского гос. ун-та, 1956, с. 20—22.

конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала»¹.

Одно время Некрасов намеревался завершить поэму горьким ироническим концом. Г. И. Успенский рассказывал: «Однажды я спросил его: — А каков будет конец? Кому на Руси жить хорошо? — А вы как думаете? — Николай Алексеевич улыбался и ждал. Эта улыбка дала мне понять, что у Николая Алексеевича есть на мой вопрос какой-то непредвиденный ответ, и, чтобы вызвать его, я наудачу назвал одного из поименованных в начале поэмы счастливец. — Этому? — спросил я. — Ну вот! Какое там счастье! — И Николай Алексеевич немногими, но яркими чертами обрисовал бесчисленные черные минуты и призрачные радости названного мной счастливец. — Так кому же? — переспросил я. И тогда Николай Алексеевич, вновь улыбнувшись, произнес с расстановкой: — *Пья-но-му!*»².

Трудно сказать, как бы повернулась поэма, если бы Некрасов укрепился в этом замысле. Возможно, поэт полагал счастье пьяного в ликовании, сходном с тем, которое испытывал Яким, кричавший в толпу:

Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное,
Шуми — вольней шуми!..

В этих словах было ощущение сохранившейся и в тяжелом труде мужицкой силы: «Пьем — значит, силу чувствуем!» Некрасов видел опасность, таящуюся в таком творческом решении: вино именно и укрощало в мужике бунтаря.

С рассказом Г. И. Успенского по-своему согласуется сообщение Шкляревского. «Меня очень интересовала, — рассказывает он, — известная поэма Николая Алексеевича «Кому на Руси жить хорошо», и я решился заговорить о ней. — А кому, вы полагаете? — спросил он меня. — Да, полагаю, Николай Алексеевич, — сказал я вульгарно, — что лучшего житья никому нет, как лакеям всех сортов и видов, старого и нового времени. — Иронический вы человек, как сказал Ф. М. Достоевский, — заметил, улыбаясь, Некрасов, — но лакеям жить хорошо не на одной только нашей матушке-Руси, а везде и по-

¹ «Литературное наследство», т. 49—50, с. 204.

² Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VI, 1953, с. 179—180.

всюду. Порою и им крепко достаётся, так что, как порассудить, то на белом свете не хорошо жить никому»¹.

И тот и другой ответ по существу равносильны: счастье — пьяному, это и значит — никому, но рассказ Шкляревского свидетельствует уже об отказе Некрасова от намерения — счастливым сделать пьяного.

* * *

Некрасов не завершил работы над поэмой, но и в неполном виде по идейно-художественным и структурно-композиционным узлам угадывается ее грандиозное целое. Поэт сумел донести до читателя в высшей степени важные политические идеи. Вне всякого сомнения, что, доведя своих странников до самых верхов сословно-социальной иерархии, Некрасов должен был убедить их, что им свое счастье надо искать на пути революции. В России все надо менять, не надеясь на властей. Залог лучшего будущего — в той силе, которая скрыта в народе. В картинах, воспроизведенных в поэме, Русь задумалась, размышляет, в ней зреет сила, бродят мысли, ищущие выхода в деле.

Все это подкрепляло предчувствие Некрасова, что минуют сроки и придет народная буря, которая снесет с лица земли уродливые и прогнившие постройки и на крепком фундаменте встанет новое, светлое жилище. И если чего не хватает в народе для того, чтобы осуществилось все мечтаемое, так это сознания своей силы, а народ должен знать о себе, что

...ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.

Некрасов сравнивал душу крестьянина с впервые распаханной землей, которая даст обильный урожай:

Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О сеятель! приди...

---

¹Л. Шкляревский. Из воспоминаний о Н. А. Некрасове. — «Нива», 1880, № 48, с. 773—774.

И пусть на пути к будущему народ не даст себя увлечь иллюзии, что кто-то решит его судьбу. Только он сам вместе с революционерами может добиться своего счастья.

Эти мысли, намеченные в написанных главах, должны были получить окончательное закрепление и, без сомнения, развитие в главах, оставшихся неосуществленными. Такая логика и последовательность в развитии «стержневой» идеи поэмы угадывается, если признать авторский порядок частей: Часть первая — «Последыш» — «Пир — на весь мир» — «Крестьянка». Эти мысли нам кажутся более значительными, чем те, которые усматривают, когда считают, что «Пир — на весь мир» завершал поэму, а место главы «Крестьянка» — до «Последыша» или после него, но не раньше «Пира — на весь мир».

Впрочем, было бы ошибкой думать, что Некрасов, тематически не завершивший поэму, не успел сказать *самого главного*, над чем размышлял как мыслитель, художник. Некоторые из идей не получили достаточного развития, но ход общей мысли намечен очень ясно в тех главах, которые написаны. Круг идей Некрасова замкнут. Поэту будущее рисовалось как торжество социалистических идей — это счастье народной Руси. Помыслы об этом и составили главную мысль, к которой он вел читателя: для осуществления этих надежд необходимы общие совместные усилия революционеров и народа.

При всем этом художническая программа Некрасова не сводима к народничеству. Григорий Добросклонов как персонаж — не alter ego Некрасова, а лишь один из персонажей поэмы — юноша-революционер, которому поэт отдал дань уважения. Весьма много точек соприкосновения авторской мысли с думами Добросклонова о России и народе, но есть и нечто такое, что отличает Некрасова, заканчивавшего свой жизненный путь, от юноши, только вставшего на дорогу революции. Об этом можно говорить с тем бóльшим основанием, что действие в поэме отодвинуто к годам, непосредственно шедшим за реформой: Добросклонов живет мыслями и чувствами шестидесятника, еще не пережившего кризиса движения и еще не ставшего свидетелем всех тех новых испытаний, которые выпали на долю народа в последующие два десятилетия. Революционеры типа Добросклонова еще жили надеждами, что стоит только

совершить революционный подвиг — и желанное будущее настанет. Некрасов тоже жил помыслами о революции, но крестьян в поэме он наделил и теми чертами, которые делали из них бунтарей, и теми, которые мешали Руси сделаться свободной. Эта Русь и могучая и убогая! Да и самый замысел поэмы как произведения, несущего крестьянам свет знания о том, что только изменение *всей жизни* в России принесет им счастье, говорил об особом взгляде Некрасова на судьбы революции: ее надо готовить, чтобы она свершилась. Это и были добрые зерна посева, ради которого до восхода солнца шел по бороздам поэт-сеятель. Он сеял зерна революции!

К СПОРАМ О КОМПОЗИЦИИ

Порядок частей в поэме не раз обсуждался в специальной литературе и до сих пор вызывает споры¹. Исследователи согласны между собой лишь в том, что необходимо считаться с авторской волей Некрасова, но каждый истолкователь понимает ее по-своему. Предложено три варианта порядка частей и глав в поэме. *Первый вариант*: «Пролог». Часть первая.— «Последыш» (из второй части).— «Пир — на весь мир» (из второй части) — «Крестьянка» (из третьей части). В таком виде поэму впервые опубликовал К. И. Чуковский в 1920 году. Этот вариант композиции отстаивал В. В. Гиппиус в статье, опубликованной в 1934 году². Сторонником его заявила себя Е. В. Базилевская³. *Второй вариант*: «Пролог». Часть первая. — «Крестьянка» (из третьей части).— «Последыш» (из второй части).— «Пир — на весь мир» (из второй части). Этот порядок

---

¹ См. редакционное примечание к статье С. А. Червяковского «Обзор исследований поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — «Некрасовский сборник», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 234; А. И. Груздев. О композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (порядок частей). — Сб. статей «Истоки великой поэмы». Ярославское книжное изд-во, 1962, с. 131; Л. А. Евстигнеева. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В сб. «Н. А. Некрасов и русская литература, 1821—1871». М., «Наука», 1971, с. 383, 384 и др.

² В. В. Гиппиус. К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова (АН СССР, Институт русской литературы). Л., Изд-во АН СССР, 1934, с. 295—304.

³ Е. В. Базилевская. Из творческой истории «Кому на Руси жить хорошо». — «Звенья», т. V. М. — Л., 1935, с. 449—475.

частей усмотрел в поэме П. Н. Сакулин¹. Вариант долго считался единственно соответствующим авторскому замыслу. *Третий вариант*: «Пролог». Часть первая.— «Последыш» (из второй части).— «Крестьянка» (из третьей части).— «Пир — на весь мир» (из второй части). Это порядок всех дореволюционных посмертных изданий поэмы, начиная с издания 1881 года, в котором поэма впервые была помещена полностью.

Аргументация исследователей с течением времени все усложняется, пускаются в ход косвенные и второстепенные аргументы, которым нередко придается значение решающих. Поэтому будет полезно вспомнить о тех достоверных фактах, с которыми обязан считаться каждый исследователь независимо от того, какого он взгляда держится, и которые единственно могут быть сочтены за прямое выражение авторской воли.

Некрасов писал «Последыша» в 1872 году, «Крестьянку» — в 1873 году и «Пир — на весь мир» — во время предсмертной болезни, в 1876 году. «Последыш» впервые был опубликован в журнале «Отечественные записки» за 1873 год, № 2 с указанием: «Часть вторая. Глава 1». Из пояснения следует, что первой частью поэт именуется ранее опубликованный «Пролог», главы «Поп», «Сельская ярмонка», «Пьяная ночь», «Счастливые», «Помещик».

Глава «Крестьянка» была опубликована в «Отечественных записках» за 1874 год, № 1, датируется в рукописи 17/29 июля 1873 года. Наборная рукопись, помеченная «12 ноября ночью», — озаглавлена «Крестьянка». Название дано вместо прежнего «Губернаторша». Рукописи показывают, что «Крестьянка» первоначально задумана как вторая глава второй части, то есть той части, куда вошел «Последыш» в качестве ее первой главы, однако опубликована глава с подзаголовком «Из третьей части». Таким образом между «Последышем» и «Крестьянкой» оставался незаполненный *пропуск*.

«Пир — на весь мир» при жизни Некрасова опубликован не был, тем не менее указания на место «Пира» в поэме ясные и прямые. В рукописи сказано: «Часть II. Глава вторая. Поминки по крепям» (первоначальное название «Пира») и ниже дана сноска, поясняющая

---

¹ П. Н. Сакулин. Некрасов, с. 57.

место главы в поэме: «Настоящая глава непосредственно следует за главою «Последыш», напечатанной в Отечественных Записках 1873 года, № 2, и в отдельном издании стихотворений Некрасова — издание 6-е часть IV»¹. Тем самым заполнялся пропуск, образовавшийся после отнесения «Крестьянки» в третью часть. Хотя «Пир — на весь мир» не был опубликован при жизни Некрасова, но был набран для ноябрьской книжки «Отечественных записок» за 1876 год. Цензура изъяла его — и печатный оттиск сохранился... И в корректуре, и в отдельном оттиске оставлено примечание, которое было и в рукописи: «Из второй части «Кому на Руси жить хорошо». Настоящая глава следует за главою «Последыш», помещенною в «Отечественных записках» 1873 г., № 2, и в отдельном 6-м издании «Стихотворений» Некрасова, часть 6, с. 9—70». Между прочим, в «Стихотворениях» (часть 6) была и «Крестьянка». Она шла за «Последышем» (со стр. 71). Следовательно, недвусмысленно указано, что между «Последышем» и «Крестьянкой» должен находиться «Пир — на весь мир». Нелегальное издание «Пира» в 1879 году воспроизводит подстрочное примечание Некрасова. Первая легальная посмертная публикация «Пира» в «Отечественных записках» за 1881, № 2, тоже воспроизводит его и лишь в однотомном издании стихотворений Некрасова (СПб., 1881) у «Пира — на весь мир» появляется неожиданный подзаголовок «Из четвертой части».

Другой ряд фактов, проливающих свет на порядок частей, — это указания на время и место действия в тексте самой поэмы. Действие в первой части происходит весной: «Подходит месяц май», «Весна стоит дождливая». Во второй главе первой части «Сельская ярмонка» и во всех главах, которые за ней следуют до конца первой части, действие приурочено ко времени Николе вешнего, то есть 9 мая по старому стилю: «Лишь на Николу вешнего // Погода поуоставилась...» Возможно, храмовой праздник в селе Кузьминском и есть праздник в честь святого Николая. Он праздновался во многих местах России целую неделю: так называемая Никольщина. Праздник справлялся широко, устраивалась

---

¹ Небольшая неточность, вкравшаяся в рукопись, — часть IV вместо VI, исправлена в печатном оттиске. См.: К. И. Чуковский. Примечания к поэме «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III, с. 687.

ярмарка, бывал крестный ход. Не случайно, говоря о мужиках, заложивших в питейном шапки, Некрасов замечает:

Кажись, нет ходу крестного,
А словно пред иконами
Без шапок мужики.

Этому указанию на время действия не противоречат речи старообрядки:

Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!

Все представляется мрачным злой старообрядке. Она пророчит, что залитые половодьем низины не просохнут и в жаркую пору июня.

Глава «Последыш» открывается строчками:

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Петровки — время многодневного поста перед Петровым днем (29 июня по старому стилю). Значит, действие в главе происходит в июне.

Действие в главе «Пир — на весь мир» следует за событиями, о которых говорит глава «Последыш». Между этими главами нет никакого разрыва во времени. В главе «Пир — на весь мир» сказано:

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что на луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, вышив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?

Итак, действие происходит в день смерти князя Утятина. Может смутить только то, что «Последыш» кончается своеобразным эпилогом: опережая события, автор говорит, что крестьяне и «доднесь» тягаются с наследниками князя: был староста Влас и в Питере и в Москве, да «толку что-то нет!». Авторское отступление выпадает из временной последовательности событий, но им предварен рассказ о напрасных надеждах мужиков.

Что же касается главы «Крестьянка», то время действия в ней — жатва, август: Матрена говорит

странникам: «У нас уж колос сыпется, // Рук не хватает, милые...», а в черновых вариантах прямо указано: «Ночь в августе недолгая»¹. В других задуманных поэтом главах действие отнесено к осени и зиме. Такова логическая последовательность глав, хорошо известная и выясненная в специальной литературе².

Вариантом композиции, в наибольшей степени соответствующим фактам, которые предоставлены нам прижизненными публикациями и хронологическим указанием на течение времени в самой поэме, не допускающим тематического, временного и локального разрыва между «Последышем» и «Пиром — на весь мир», безусловно, является вариант, предложенный К. И. Чуковским в 1920 году и поддержанный В. В. Гиппиусом и Е. В. Базилевской, что согласуется и с авторской волей Некрасова, выраженной в прижизненных публикациях глав поэмы. Этот же вариант, как ясно из предшествующего изложения, принят и в настоящей работе.

Однако только текстологическая аргументация недостаточна для решения спора о композиции. Она должна дополняться толкованием смысла произведения. Надо сказать, что ни один из вариантов композиции не имеет преимуществ перед другим с точки зрения идейной остроты поэмы — только идейный смысл поэмы понимается по-разному. В свою очередь, идейная аргументация, взятая сама по себе, не решает дела — она не должна приходить в столкновение с фактами, на которые опирается текстолог.

Рассмотрим подробно эти варианты и с точки зрения соответствия их текстологическим фактам, и с точки зрения идейной. Начнем с варианта Сакулина, аргументация которого, хотя и отвергнута ныне многими исследователями, с некоторыми видоизменениями повторяется, по существу, и при обосновании другого варианта.

Аргументация Сакулина основывается на «хронологии» глав и «внутренней связи частей». Под «хроноло-

---

¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III. с. 523.

² В. В. Гиппиус. К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо», с. 295—304; а также: И. Ю. Твердохлебов. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 54—55 и др.

гией» глав Сакулин разумел время написания глав: «Крестьянка» написана раньше «Пира». Ученый сам понимал слабость этого аргумента. Он писал: «Можно, разумеется, предполагать, что дальнейшие главы писались ранее предшествующих, но в таком предположении нет особенного смысла». После этого можно было бы вообще не касаться вопроса хронологии написания глав, но ученый ею все же пользуется, оговорив свое право принимать ее во внимание «разом» с другими аргументами¹. Тем самым тяжесть доказательств падает на «внутреннюю связь» — развитие сюжета. Сакулин цитирует слова, сказанные Матрене странниками:

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!

Из этого он делает вывод, что «Крестьянка» должна идти сразу за «Помещиком», последней главой первой части. Окончив рассказ о своей жизни, Матрена советует странникам идти к чиновнику, боярину-министру, царю. После «Крестьянки» Сакулин усматривает «перерыв», незаполненный пробел, и затем поэму завершают «Последыш» и «Пир — на весь мир».

Аргументация Сакулина была рассмотрена и отвергнута исследователями. Было оспорено излишне прямое толкование тех строк поэмы, которые цитирует Сакулин. А. И. Груздев правильно заметил, что мужики, говоря Матрене о своих прежних встречах, совсем не перечисляют всего, что у них было раньше: они, например, совсем не упомянули о встречах, о которых говорит глава «Счастливые». Добавим от себя, что и в главе «Пьяная ночь» у странников были свои встречи, и о них тоже они ничего не говорят Матрене. А. И. Груздев прав: «Самое содержание «Крестьянки» опровергает схему Сакулина. Мужики пришли не прямо от помещика к Матрене Тимофеевне. Они заходили во многие другие деревни и села»². Были, например, в Наготине, где им и указали на Матрену — предполагаемую счастливицу.

Что же касается возможного «перерыва» — незаполненного пробела, о котором говорит Сакулин, то

¹ П. Н. Сакулин. Некрасов, с. 50.

² А. И. Груздев. О композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — Сб. «Истоки великой поэмы», с. 143.

единственное указание, которое можно извлечь отсюда, только такое: за «Крестьянкой» должны идти другие главы. О самом же месте «Крестьянки» в поэме эти строки ничего не говорят. Вот и вся текстологическая аргументация Сакулина. Ученый был вынужден признать, что его вывод о предполагаемом следовании частей расходится с авторским счетом их: «Мне приходится игнорировать только счет частей («Крестьянки» и «Последыша»)», — писал он. Допустимость такого обращения с указаниями Некрасова ученый объяснял тем, что «счет» (то есть счет частей) не может быть обязательным в виду незаконченности и неотделанности произведения¹. Соображения Сакулина о порядке следования частей опровергаются и текстологически. По композиции Сакулина, писал В. В. Гиппиус, — «получалась совершенно невероятная комбинация: сначала жатва, потом Петровки (29 июня) и сенокос!»². Об этом пишет и С. А. Червяковский: «Существенным неудобством сакулинского варианта является нарушение логики времен года (жатва — сенокос)»³.

В защиту такой композиции поэмы Сакулин выставил свое понимание авторского замысла. Ученый писал: «как раз с «Последыша» намечается перелом в повествовании». Суть «перелома» в том, что «поэт справляет «поминки по крепям» и заглядывает в грядущие судьбы народа». Свою мысль о «переломе» в повествовании Сакулин характеризовал и такими словами: «Уже а ргіогі рождаются сомнения, чтобы после торжественных и бодрых песен Гриши, после «поминок по крепям», поэт нашел нужным снова возвращаться к крепостному праву, о чем преимущественно и говорится в «Крестьянке» (вспомним фигуру Савелия, богатыря свято-русского и его героическую Корежину)». Сакулин предположил в поэме две части: одна будто бы изображает «старый мир, окрашенный в мрачный цвет», другая — «поминки по крепям», когда «начался «пир на весь мир». И сделал вывод: «Пир — на весь мир», помеченный как четвертая часть поэмы и датированный 1876 го-

---

¹ См.: П. Н. Сакулин. Некрасов, с. 54.

² В. В. Гиппиус. К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо», с. 299.

³ С. А. Червяковский. Обзор исследований поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — «Некрасовский сборник», т. III, с. 234.

дом, ни в коем случае нельзя помещать ранее «Крестьянки»¹.

Однако непосредственное изучение «Последыша» и «Пира — на весь мир» (они отнесены Сакулиным к главам, противоположным остальным по идейному и эмоциональному строю) показывает предвзятость и односторонность общего соображения. Вся суть в том, что и «Последыш», и «Пир — на весь мир» хотя и содержат то, что ученый назвал попыткой взглянуть «в грядущие судьбы народа»: «Крепостное право миновало, из трагедии можно сделать комедию («камедь») и даже водевиль...»², но в целом от общего прославления новых времен, как «пира на весь мир», Некрасов весьма далек. Мы видели, что он славит борцов за самую решительную ломку наступивших пореформенных порядков.

Третий вариант композиции, как уже сказано, усматривает такое следование глав после первой части: «Последыш» — «Крестьянка» — «Пир — на весь мир». Последней по времени защитой этого варианта композиции является статья А. И. Груздева³. Как и в прежних своих работах, автор старается доказать, что Некрасов, написав «Пир — на весь мир», не был уверен, что правильно определил его место в поэме, сделав помету: «Из второй части», и что посмертное издание стихотворений в одном томе (СПб., 1881) указанием «Из четвертой части» как раз и выразило последнее решение Некрасова, которое и выполнила сестра поэта А. А. Буткевич⁴. Для доказательства Груздев исследует историю пометки под заглавием «Пира» и примечания, которое говорит, что глава идет за «Последышем». По мнению Груздева, Некрасов менял место пометки и примечания, потому что желал изменить порядок частей. В действительности можно говорить только об одном: «Пир — на весь

---

¹ П. Н. Сакулин. Некрасов, с. 55, 50, 56.

² Там же, с. 56.

³ А. И. Груздев. О композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (порядок частей). — Сб. статей «Истоки великой поэмы», с. 131—155. См. также статью И. В. Шаморикова «Расположение частей поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В сб. «Вопросы текстологии». М., Изд-во АН СССР, 1957: Самое расположение частей и глав было предложено в кандидатской диссертации Н. Г. Дмитриева.

⁴ А. И. Груздев. О композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — Сб. «Истоки великой поэмы», с. 136, 137. На этом настаивал и И. В. Шамориков.

мир» сделан самостоятельной главой со своим вступлением, так как по размерам оказался столь большим, что не мог быть «главой II», после «Последыша», которого поэт считал «главой I». Пометка «Из второй части», появившаяся вместо «Часть вторая, глава II», свидетельствует о том, что «Пиру — на весь мир» придан вид относительно самостоятельного фрагмента, и только. Груздев вынужден признать: «Однако в итоге он (Некрасов. — В. А.) оставил все же старое обозначение и примечание из каких-то неизвестных нам соображений»¹ — то есть оставил обозначение «Из второй части» и примечание, что «Пир — на весь мир» идет вслед за «Последышем». Таким образом, ничто не говорит о том, что Некрасов хотел изменить порядок частей. Твердость решения засвидетельствована гранками, отдельными оттисками подготовленной прижизненной публикации, списком А. А. Буткевич, который, по мнению А. И. Груздева, «стоит между текстом гранок и «Отечественных записок» 1881 года», а равно и самой этой публикацией в «Отечественных записках». Как уже говорилось, в феврале 1881 года М. Е. Салтыков-Щедрин опубликовал «Пир — на весь мир» с примечанием, что глава идет за «Последышем» (то есть относится к той же второй части), но в «Отечественных записках» оказалась опущенной помета «Из второй части». «Факт значительный»², — комментирует это обстоятельство Груздев. Он был бы действительно значительным, если бы не было и примечания, которое указывает на место главы после «Последыша» и тем самым прямо связывает ее с той же второй частью поэмы. Это примечание решительно мешает аргументации Груздева. Не говорю уже о том, что на отрицательных признаках, не нарушая логики, нельзя основывать положительных утверждений. Таким образом, предположение, что за «Последышем» идет «Крестьянка», а затем «Пир — на весь мир» и что этот порядок частей соответствует воле Некрасова, основывается исключительно на рассмотрении некоторых посмертных публикаций. Попытка привлечь приготовленные поэтом прижизненные публикации «Пира — на весь мир» в подкрепление этого взгляда к успеху не привела.

¹ А. И. Груздев. О композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — Сб. «Истоки великой поэмы», с. 134.

² Там же, с. 135.

Остается сказать, что нет оснований считать выражением авторской воли и посмертные издания поэмы. В собрании сочинений Некрасова в 1879 году, а также в отдельном издании «Кому на Руси жить хорошо» (СПб., 1880) была напечатана «Песня Гришина» («Русь» — из «Пира — на весь мир») после «Крестьянки» с пометкой «Из четвертой части». Груздев замечает по поводу этого, что помета дана «без всякой оговорки, кому это примечание принадлежит», но прибавляет, между прочим, что редактор С. И. Пономарев в IV томе собрания сочинений на стр. XXXVIII говорит о «Пире — на весь мир» не как о новой главе, а как о «новой части»¹. Между прочим, в однотомнике стихотворений Некрасова (СПб., 1881), на которое ссылаются все сторонники варианта композиции поэмы: Часть первая — «Последыш» — «Крестьянка» — «Пир — на весь мир», в заметке «От издателя», то есть от сестры поэта А. А. Буткевич, сказано, что к поэме «присоединена новая глава, не вошедшая в посмертное издание и изданная только на днях в февральской книге «Отечественных записок». Здесь о «Пире» сказано: «глава», а не «часть» или глава из «новой части». Обозначение «Пира» как «части» встречается только в изданиях, отредактированных Пономаревым. Это наводит на мысль, что определение «часть» вместо «глава» принадлежит именно Пономареву², а, следовательно, именно он установил и самый порядок частей. Но утверждать это наверняка невозможно. Известны слова Буткевич: «Я, как сестра покойного, сочла своею обязанностью свято исполнить его волю»³. Все же полагаться на эти издания как на выражение последней воли Некрасова, соблюденной его сестрой и редактором, было бы весьма рискованно. Быть осторожным в таких предположениях обязывает и опубликованное М. В. Теплинским письмо М. М. Стасюлевича, в типографии которого печаталось издание 1881 года⁴.

¹ А. И. Груздев. О композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — Сб. «Истоки великой поэмы», с. 136.

² О вероятной принадлежности пометы «Из четвертой части» С. И. Пономареву пишет и Л. А. Евстигнеева. См. статью в сб. «Н. А. Некрасов и русская литература», с. 414.

³ «Стихотворения Н. А. Некрасова», т. I. СПб., 1879, с. VI.

⁴ См.: М. В. Теплинский. К истории публикации «Пира — на весь мир». — «Русская литература», 1967, № 1, с. 202—203.

М. М. Стасюлевич писал сестре поэта: «Относительно же помещения «Пира» скажу то, что когда остановили печатание¹, то место, куда следовало его вставить, было уже отпечатано, и потому волей-неволей пришлось следовать порядку посмертного издания». А посмертное издание как раз и отличалось тем, что место главы «Пир — на весь мир» в нем оказалось в конце, а следовательно, сестра поэта настаивала на помещении главы внутри поэмы, а не в конце. А. И. Груздев оспорил это утверждение М. В. Теплинского тем, что в письме речь будто бы шла о том, помещать или не помещать «Пир — на весь мир» вообще². По мнению Груздева, М. М. Стасюлевич опасался цензурных неприятностей, но ведь ко времени, когда «Пир» печатался в «Отечественных записках», у М. М. Стасюлевича цензурное разрешение было уже получено. Какие же основания были предполагать, что речь идет вообще о том, публиковать или не публиковать главу?

К этим сомнениям и прямым возражениям против варианта композиции, защищаемого А. И. Груздевым и другими исследователями, следует добавить, что, как и сакулинский, он расходится с хронологией хода действия в поэме. «Крестьянка», оказавшаяся между «Последышем» и «Пиром — на весь мир», обязывает к такой невероятной последовательности: покос в июне — жатва в августе — снова июнь. Действие в «Пире — на весь мир» начинается в тот же день, что и в «Последыше», а кончается утром следующего дня³. На эту несообразность указал К. И. Чуковский: «Крестьянка», оказавшаяся между «Последышем» и «Пиром — на весь мир», «противоестественным образом» растягивает краткий срок действия, разрывает повествовательную

---

¹ А. А. Буткевич остановила печатание поэмы, узнав, что нарушена воля Некрасова.

² А. И. Груздев. О месте «Пира — на весь мир» — в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — Сб. «Страницы истории русской литературы». К 80-летию члена-корреспондента АН СССР Н. Ф. Бельчикова». М., «Наука», 1971, с. 149—158.

³ Эти несообразности странным образом обходит молчанием И. В. Шамориков, говорящий о соответствии усматриваемой композиции «ходу полевых работ». — Сб. статей «Вопросы текстологии», с. 242—244.

ткань поэмы¹. Попытка И. В. Шаморикова оспорить этот факт не может быть признана удачной².

Защитники такого варианта композиции пытались оправдать его «идейным замыслом поэта»: «Последышем» заканчиваются встречи странников с представителями эксплуататорских классов, в этой части усиливается показ бедствий народа и рост его негодования против угнетателей». Идейные аргументы в защиту того, что «Пир — на весь мир» завершал поэму, обретают в статье и вид такого утверждения: «...массовый деятель нового подъема освободительного движения, разночинец, стал в центре заключительной части поэмы «Пир — на весь мир» и заявил, что счастье заключается в служении народу, в защите его интересов. Этим самым и дан ответ на вопрос, поставленный в заголовке поэмы»³. Неоспоримо значение образа революционера, но это совсем не значит, что поэма должна быть завершена его изображением. Образ Добросклонова не теряет высокого революционного смысла и при другой, иначе понимаемой композиции поэмы.

В этой связи должна быть отмечена и неоправданная прямолинейность, которую допускают при истолковании слов Некрасова из письма к сельской учительнице А. Малоземовой. Письмо привлекается для подтверждения мысли, что именно «Пир — на весь мир» и заключал поэму, хотя ничто не дает для этого оснований. 2 апреля 1877 года Некрасов ответил Малоземовой: «Счастье, о котором вы говорите, составило бы предмет продолжения моей поэмы — ей не суждено окончиться». На основании этих слов решили, что речь идет о «Пире — на весь мир» и о том, что цензура «убила надежду» на опубликование его. Получается, что Некрасов рассматривал «Пир — на весь мир» как последнюю главу в поэме. Но ведь слова поэта могут быть поняты и иначе. Когда писалось письмо, «Пир — на весь мир» был окончен, хотя и не опубликован, и речь могла идти и не о нем, а о том, что должно последовать

---

¹ К. И. Чуковский. Примечания к «Кому на Руси жить хорошо». — Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III, с. 645.

² См.: И. В. Шамориков. Расположение частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Сб. «Вопросы текстологии», с. 233.

³ Там же, с. 233, 226.

за этой главой: Некрасов не надеялся в последние месяцы жизни, что закончит поэму.

В письме к С. И. Пономареву сестра поэта рассказывала, что Некрасов незадолго до смерти сказал: *«Одно, о чем я сожалею глубоко, это — что не кончил свою поэму «Кому на Руси жить хорошо».* Сестра Некрасова прибавила к этому: *«Я, иногда говорившая в шутку, мы написали еще стихи, — потому что часто записывали их с его слов, — и на этот раз сказала: «Поверь мне, что мы ее кончим».* Он с тоской посмотрел на меня: *«Нет, уж не кончим!»*¹ Эти слова, несомненно сказанные Некрасовым, когда уже им был написан «Пир — на весь мир», должны предостеречь против поспешных выводов о полной реализации замысла поэмы.

В итоге приходится отметить, что аргументация в защиту варианта композиции поэмы: Первая часть — «Последыш» — «Крестьянка» — «Пир — на весь мир» — заставила бы больше считаться с собой, если бы не была построена на одностороннем и вольном истолковании многих фактов.

В связи с юбилейными торжествами по случаю 150-летия со дня рождения Некрасова споры о композиции поэмы возобновились с новой силой. Появилась весьма содержательная статья, в которой ее автор, Л. А. Евстигнеева, высказала веские соображения о принципах текстологического решения проблемы композиции поэмы, но, относя «Пир — на весь мир» ко второй части поэмы, то есть, рассматривая главу как предшествующую «Крестьянке», она все же признала ее фрагментом, который из-за его неоконченности следует печатать отдельно от всех других частей². Полагаю, что это не лучший способ решения текстологической проблемы. Бесспорно, уяснение истории изменений, а равно и мотивов, по которым Некрасов, теснимый цензурой, менял текст главы, а также добивался лучших творческих решений, — труднейшая текстологическая проблема, но вряд ли правомерно считать, что, «торопясь сказать свое последнее слово», поэт «не заботился больше о логическом развитии сюжета»³. Л. Евстигнее-

¹ Письмо от 13 декабря 1878 г. — «Литературное наследство», т. 53—54, с. 190.

² См. статью Л. А. Евстигнеевой «Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова...». — Сб. «Н. А. Некрасов и русская литература», с. 417, 419, 420, 433.

³ Там же, с. 404.

ва оказывается куда более правой, когда говорит о художественной логике и связях, обнаруживаемых в частях главы, а также о той упорной борьбе, которую поэт вел с цензурой, стараясь сохранить сокровенный смысл главы¹. Нет, нельзя отказываться от решения вопроса о месте главы «Пир — на весь мир» в составе целого поэмы. Несомненно, спор о композиции поэмы еще будет продолжен, но и сейчас уже можно говорить о связи важнейших идей поэмы с композиционной структурой ее целого. В разное понимание структуры упирается истолкование идейно-художественного целого поэмы, а также ее стиля.

---

¹ См. статью Л. А. Евстигнеевой «Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова...». — Сб. «Н. А. Некрасов и русская литература», с. 404 и особенно страницы 420—433.

ПО СЕВУ И ЗЕРНО

Чтобы добрый посев дал и добрые всходы, самое зерно должно прийтись к почве, на которую падет. Некрасов писал поэму по-особому — не так, как свои лирические стихи. Между собой и читателем Некрасов поставил народного рассказчика. От его имени он и ведет повествование. Поэма воспроизводит народную крестьянскую речь со многими подлинными ее свойствами и чертами. При всем том — это не настоящая крестьянская речь, а лишь сколок с нее, ее подобие. Некрасов приобщал народного читателя к речевой культуре высшего порядка, но на пути к этой цели избрал не какие-то особые языковые и стилевые формы, а те, которые были свойственны самому народу, но существовали там с примесями, мешавшими их блеску.

Авторский литературно-книжный и крестьянско-речевой стили объединились в поэме так, что крестьянско-речевой стиль составил основу, а авторский осложнил ее своим вмешательством.

Кроме этих стилей, стиль поэмы включил в себя самые разные формы разговорно-бытовой речи. Поэма задумана Некрасовым как длинный ряд своеобразных «исповедей» — говорит поп, бары-помещики, рассказывают о своей жизни крестьянка, другие «счастливицы», говорит разночинец-революционер, спорят мужики: бунтари, рабы, пьяные, лакеи, дворовые; рассказывают свои легенды и притчи странники-нищие. Неисчислимое множество лиц, характеров — и у каждого свое: либо реплика, либо рассказ, либо песня, либо сказ. Соотношение этого бесконечного разнообразия разговор-

но-речевых и поэтических стилевых форм с авторским стилем и стилем крестьянина-повествователя необычайно сложно. Сказовая, бытовая и поэтическая речь крестьянина-повествователя в поэме, допуская самостоятельность персонажей в речи, вместе с тем корректирует ее, вносит в нее тот оценочный момент, который заставляет читателя принимать речи персонажей так, как этого хочет рассказчик-повествователь, а с ним и сам Некрасов.

Осложнение речи персонажей весьма разнообразно. Некрасов, например, заставляет своих персонажей не только по-особому говорить, но даже петь. Матрена и странники в главе «Крестьянка» поют, как в опере: Матрена запекает песню о мужниной плетке, а хор странников подхватывает. Условность песенного рассказа нарушает все нормы разговорной речи, но зато придает всей сцене необычайную стилистическую выразительность. Такие стилистические «места» в поэме резко отличаются от разговорно-бытовой речи.

Стиль других песен, рассказов, притч, которых очень много в поэме, тоже отличается от основного стиля поэмы. Однако это отличие имеет свои пределы. Здесь действует несколько факторов, сближающих стиль этих «инородных» образований со стилем всей поэмы. Это, во-первых, активное авторское начало: публицистика и специфически книжное поэтическое изложение, во-вторых, это — воздействие речи рассказчика-повествователя. Происходит переключка стилей, их взаимная поддержка в идейно-художественных функциях, и, наконец, в-третьих, это — согласующая стили связь песен, рассказов и притч со строем речи персонажей: так, горький рассказ Матрены Тимофеевны о жизни и своей крестьянской судьбе в полной мере подкрепляется стилистически близкими песнями о бабьей доле.

Таким образом, крестьянская речь повествователя-рассказчика и авторская речь самого Некрасова вступают в тесные связи с многообразной и разностильной речью персонажей, со стилем вставленных в текст песен, сказаний, легенд, причетов и притч. Многоголосность поэмы не превращается в нестройный шум, который мог бы заглушить голос автора поэмы или повествователя. Стилистическое единство поэмы можно представить себе в виде отношения кругов с одним

центром: самый большой круг — авторский стиль, слившийся со стилем крестьянского бытового и поэтического сказа, включает в себя на правах составной части более узкий круг — речь персонажей, а внутри этого круга располагается стилевой круг вставленных в поэму песен, легенд, сказаний и притч. Стиль автора в его непосредственном выражении как стиль литературно-книжный занимает небольшую часть самого широкого круга. Стилистическое единство поэмы и отношение стилей внутри ее свидетельствуют о последовательном решении Некрасовым главной творческой задачи: создать поэму, стиль которой был бы близок и понятен крестьянину.

I

Природа стиля, лежащего в основе эпического повествования Некрасова, выявляется уже в самых первых строках поэмы:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков...

Повел речь народный рассказчик. Он доверителен и прост: не сказал читателю «рассчитывайте», «угадывайте», а «рассчитывай», «угадывай». А «столбовая дороженька» и эти «семь мужиков»? Слово в искусстве всегда влечет за собой вереницу смежных или сходных представлений. «Дороженька», а не «дорога»! Народные песни знают именно «дороженьку»: «Не одна-то, не одна во поле дороженька, // Не одна пролегала», «За дороженькой, за широкою, // За широкою, за Московскою...», «Ты дороженька, ты моя дороженька, дороженька широкая!» и пр.¹ Устойчивость особой народно-песенной тональности и тех представлений, которые вызывает слово, была так велика, что, например, Пушкин, как подсчитано специалистами, почти четыреста раз употребил слово «дорога» и только один раз — «дороженька» и именно в народном песенном смысле. Хор

---

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, Новая серия, вып. II, ч. I. М., 1918, № 1417; вып. II, ч. II. М., 1929, №№ 2710, 2115 и др.

девушек в «Русалке» поет песню «Сватушка, сватушка...»:

...Веря ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невесту ехати¹.

Этот же песенный смысл и у «столбовой дороженьки» Некрасова.

«Семь мужиков» — это те «семь», которые вошли в пословицы, поговорки и сказки: «Семь Семионов», «Служил семь лет, выслужил семь реп», «Семь пятниц на неделе», «Не велик городок, да семь воевод», «У семи нянек — дитя без глазу» и пр. Разные — веселые и печальные — ходили в народе сказки и пословицы. Часто ничего общего между ними не было — только загадочно устойчивое число «семь». Начало этой традиции затерялось где-то во тьме веков. Семь некрасовских мужиков — дань этой традиции.

Ритм «Пролога» воспроизводит особенности народного сказового стиха: «В каком году — рассчитывай, // В какой земле — угадывай...» Здесь та же четкость ритма, которая делает речь чуть-чуть нарочитой, и та же, как в народном стихе, свобода ударений, которая в природе интонационных свойств сказового стиха. Некрасов точно соблюдает «законы» силлабо-тоники и не допускает ритмических перебоев, не скрадывает в произношении «лишних» слогов, но и он воспроизводит ритмические «неровности» народного стиха. После строк без единого пропуска ударений следуют строки, ударения в которых то смещены вглубь: «На столбовой дороженьке», то приближены к концу строки в противоположность обычным ударениям на третьем от конца слоге: «Сошлись семь мужиков», да еще со скрадыванием грамматического ударения на слове «семь». Сильное ударение на последнем слове в четвертой строке «мужиков» ритмически завершает передачу относительно самостоятельной мысли. Такое размещение ударений, сохраняя ритмическую правильность, открывает дополнительные художественно-изобразительные возможности. Некрасов решал необычайно сложную творческую задачу. Он стремился добиться живого звучания стиха в разных картинах, сценах, в речи многочис-

---

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. V. М., 1964, с. 436.

сленных персонажей. Такой характер стиха сблизил повествование с прозаическим рассказом. По этой же причине поэт почти не пользуется рифмой, отсутствие которой восполняется богатством внутренних созвучий в стихе. В этом Некрасов тоже опирался на опыт народных песен, часто не прибегавших к рифмам.

Таким образом, уже по первым стихам поэмы мы видим, что Некрасов усвоил стиль и манеру крестьянина-повествователя. У рассказчика-крестьянина свое видение мира, своя устойчивая эстетика, и они придают поэме особую жизненную достоверность. Выдуманы и Роман, и Демьян, и Лука, и братья Губины, и тугодум Пахом, и Пров, выдуманы те, кого они встречали на дорогах Руси, но не выдуманы те чувства, которые носили в себе эти люди.

Почти каждый стих в поэме подтверждает верность Некрасова раз избранному принципу. Но это не значит, что именно употребление отдельных фольклорных оборотов, слов и составляет суть народного стиля в поэме. Нет, дело много сложнее. Сделаем одно сравнение.

Множество русских поэтов писали о весне. Пушкин в «Евгении Онегине» передал весеннее оживление природы в стихах, исполненных величавой красоты:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея, блещут небеса.

Дальше появятся строки о пчеле, вылетевшей из восковой кельи за полевой данью, строки о соловье, запевшем в безмолвии ночи. «Стада шумят», зазеленели леса. Это подлинный гимн весне! Люди заучивают эти стихи наизусть, чтобы через всю жизнь нести благодарную любовь к поэту, сумевшему в слове и ритмах запечатлеть дивное явление весеннего пробуждения природы.

Весна, весна! Как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он, —

напишет после Пушкина Баратынский. В стихах поплывут озаренные солнцем облака, зашумят ручьи и запоет жаворонок.

Тютчев в ликующих стихах воспел шумящие весенние воды:

Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы...

Фет прославил весенний дождь: еще светло перед окном:

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Древним песенным ладом напишет о весне их современник Алексей Толстой:

По вешнему по складу
Мы песню завели,
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!

Поведай, песня паша,
На весь на русский край,
Что месяцев всех краше
Веселый месяц май!

Писали о весне и другие поэты: по большей части восторженные, радостные, реже — печальные, а иногда даже и насмешливые стихи. Некрасов сам создал песенные строки о зеленом шуме, о вишневых садах, о весеннем ветре, облаком поднявшем цветочную пыль...

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» есть строки о весне, но идут эти строки не прямо от поэта, а от крестьянина-рассказчика, и описание весенней природы повернулось в неожиданную сторону. Крестьянин глядел на шумящие весенние воды, весенние дожди по своему и хорош ли месяц май — мерял своей меркой. Сначала он соглашается:

Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.

И вдруг продолжает:

Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!..

Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда ревет,
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!

Весной крестьянин не только любит природу: он думает о посевах, о полевых работах, о том, что по затопленной дороге не проедешь с навозом, о залитых всходах. Поэтическое представление о весне невольно связывается с земледельческим трудом. В загадке о снеге¹, вошедшей в стихи Некрасова, выражена дума крестьянина о том, какой грозной стихией может оказаться снег весной. А ведь снег своей белизной, холодом, тем, что он падает с неба, мог навести на множество иных сравнений и ассоциаций.

Эстетические представления и понятия, присущие крестьянину, в самых различных формах запечатлены в поэме — и в каждом отдельном случае проявляется ее общий крестьянско-сказовый стиль. Это и придает поэме народный характер. Многочисленные сравнения построены на впечатлениях, полученных от крестьянского быта. Например, дождь, просвеченный насквозь весенним солнцем, уподоблен в поэме «золотым ниткам», свисающим из мотков. Или:

Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.

Столь смелое уподобление облаков коровам не кажется нарочитым: крестьянин все в мире сравнивает с тем, что знает по своему бытовому опыту.

Еще сравнение:

На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.

---

¹ См.: Д. Н. Садовников. Загадки русского народа. СПб., 1876, №№ 1964—1988.

Это сравнение (того же крестьянского происхождения) нелестно для поповской дочери.

Офени торгуют у купца свой товар — портреты грозных и толстых генералов — и судят о крестьянах:

Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели...

Трудно придумать более убийственное сравнение. Саркастическая шутка, несомненно, подслушана поэтом в народной речи.

Скрипят телеги грузные,
И как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Сравнение безошибочно: уснувшие беспомощны, — и сделано оно крестьянином, который не щадит и себя в печальном юморе.

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Образ ночи создается посредством загадки, которую придумал неграмотный крестьянин, размышлявший о тайнах вселенной, о небе и звездах.

Количество примеров можно было бы увеличить — вся поэма пересыпана этими драгоценными крупинками, в каждой из них своя поэтическая находка: то острая социальная оценка, то отчетливый образ, то щемящая лирика, которой хватило бы на многие описания.

Ой, поле многохлебное!
Теперь и не годумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделся
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!

Поле любит пахарь, гордый плодами своего труда. Сложная эмоция передана сравнением поля с войском, стройные ряды которого иного, но только не крестьянина, заставили бы забыть о тяжкой участи солдат.

На приметы крестьянской речи в поэме уже указано исследователями¹. Нельзя здесь не сказать и о высокой научной ценности тех многочисленных и многообразных наблюдений и выводов, которыми наполнены работы Корнея Чуковского о Некрасове-художнике. Они — ценнейшее приобретение специальной научной литературы².

II

В поэме звучит подлинная разговорная крестьянская речь с ее живыми интонациями, вопросами, возгласами, манерой повторять отдельные слова, с естественным порядком слов:

...Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!

Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!

Эй, с возу куль упал!

Ну, полно, полно, миленькой!
Ну, не сердись!

А ты не лезь с ручищами!

А ну-ка влево глянь!

А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?

Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю...

Эй! что ты тут расселася?

А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!

---

¹ См.: И. Ю. Твердохлебов. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 160—176; В. Т. Плехотишина. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 92—112; С. А. Червяковский. Творческая работа Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». — «Труды Горьковского гос. пед. ин-та имени А. М. Горького», вып. VIII, Горький, 1940, и др.

² К. И. Чуковский. Собр. соч., т. IV. М., 1966; комментарий к поэме Н. А. Некрасова. — Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III.

Речь делается выражением почти осязаемого физического движения, передает внутренний, невидимый глазу «жест». «Быть голоду! Быть голоду!» — говорит старообрядка, разозленная ситцами на бабьих нарядах, и объясняет:

А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?

Мы воочию видим эту старообрядку с ее полными злости глазами, всю устремленную вперед, к озадаченной товарке.

Некрасов сохраняет многие особенности лексики, морфологии, синтаксиса, свойственные живой народной речи. Они присущи не только речи персонажей, но и речи рассказчика: крестьяне только что услышали легенду о Кудеяре, ее мораль прасол принял на свой счет. Он рассердился, стал на ноги и закричал:

«Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!»

Раздражение прасола нашло продолжение в словах самого рассказчика:

Ушел, с телегой *возит*ся,
Корова к ней привязана —
Он *пнул* ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: «дуры! цыц!»
Теленок в ней *мотается* —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажог коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.

Разговорному стилю, а часто и просторечию, повествователь-рассказчик Некрасова верен постоянно, но это всегда оправдано художественной целесообразностью.

Гогочут братья Губины:
Такую редьку *схпнали*
На огороде — *страсть!*

Лука стоял, помалкивал,
Боялся, *не наклали бы*
Товарищи *в бока.*

И в том и в другом случае рассказчик подсмеивается над простотой своих героев. О художественной оправ-

данности в устах персонажей бранных слов или близких к ним выражений и говорить нечего — без них поэт не мог обойтись, оставаясь верным жизненной правде.

Не жнет, не пашет — *шляется...*

(прасол — о Климе).

Попомнишь ты, *анафема...*

(старообрядец — становому).

Схитрили души *подлые*,
Да и смеются *нехристи*¹.

(Ермил Гирин — о подьячих).

Поэма запечатлела сословно-классовую вражду в той форме, в какой она проявлялась в быту.

Вместе с тем речь повествователя-рассказчика отличается от речи персонажей. Самое важное отличие — уже не однажды по разным поводам отмеченная нами сильная окраска речи повествователя стилем сказок, пословиц, поговорок и загадок². Правда, язык персонажей, в свою очередь, насыщен поэтическими образами фольклора: ведь песни, пословицы, сказки были источником привычных сравнений, уподоблений, символов, вошедших в повседневный быт, а народная речь неотделима от него. Савелий уподобил силу мужицкого терпения былинной силе Ильи Муромца и Святогора. Незадачливый мужик на ярмарке ругает топор за неласковость: образ пришел из иронической загадки о кланяющемся, но недобром топоре. Каждый подобный случай обращения к фольклору — а их достаточно много в поэме — нуждался в тематической или иной мотивировке. Между тем фольклор как стилеобразующий фактор в речи повествователя действовал без каких-либо дополнительных мотивировок. Отсюда, например, многочисленные случаи употребления слов с ласково-уменьшительным значением — в духе уже рассмотренной «дороженьки»:

---

¹ Здесь и выше курсив мой. — В. А.

² См. работу на эту тему К. И. Чуковского — глава «Работа над фольклором» в кн. «Мастерство Некрасова» (Собр. соч., т. IV. М., 1966). Сводку сопоставлений текста поэмы с народно-поэтическими источниками см. в статье Т. А. Бесединой «Фольклор в поэме». — Сб. «Истоки великой поэмы», Ярославское книжное издательство, 1962, с. 61—114.

А тут еще у *пеночки*
С испугу *птенчик* крохотный
Из *гнездышка* упал...

Крестьяне сняли *шапочки*,
Низенько поклонились...

При них: *собачки* белые,
Мохнатые, с *султанчиком*,
На крохотных ногах...

Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.

Уменьшительно-ласкательные выражения порой, как и в народной речи, имеют противоположный, отрицательный смысл:

...Какой-то барин *кругленький*,
Усатенький, *пузатенький*,
С *сигарочкой* во рту...¹ —

и дальше:

Помещик был *румяненький*,
Осанистый, присадистый.

Фольклорная основа стиля повествователя сказывается в частом употреблении песенных междометий:

Ой, тени! тени черные!
Ой, избы, избы новые!

Ой, жажда православная,
Куда ты велика!

Ой, люди, люди русские!

Ой, ночка, ночка пьяная! —

и прочее.

Как мы видели, в речь своих персонажей автор тоже вставляет такие возгласы.

После типично песенного возгласа рассказчика:

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом... —

следует:

Чу! конь стучит копытами,
Чу! сбруя золоченая
Звенит... еще беда!

А еще дальше:

Чу, барабан! Солдатики
Идут...

---

¹ Курсив мой. — В. А.

Это, несомненно, авторское, а не фольклорное «Чу!» (близкое по значению фольклорному «ой») встречается и в речи повествователя-рассказчика:

Чу! лошадиный храп!

В речи повествователя — обилие народно-поэтических конструкций типа тавтологий (гулять-погуливать, кричать-покрикивать, путь-дорога), множество тишично фольклорных повторений предлогов.

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал...

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей...

Очевидна фольклорность тех, впрочем, не таких уж частых, как ожидалось бы, случаев, когда повествователь пользуется постоянным эпитетом из песен и сказок:

За спором не заметили,
Как село солнце *красное*...

Широкая дороженька,
Березками обставлена...¹

Столь же очевидно фольклорное происхождение стилевых повторов в речи повествователя:

...Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши...

(сказочный повтор).

Кукуй, кукуй, кукушечка!

(песенный повтор).

Из сказок заимствован обычай повторять отдельные формулы: это идущий через всю поэму вопрос, кому живется весело, вольготно на Руси, повторение того, кто кого считал счастливым:

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику, —

и прочее.

Прием имитирует ход настоящего сказочного повествования, так называемую «ретардацию», замедление действия. Впрочем, Некрасов воспроизводит с не-

---

¹ Курсив мой. — В. А.

большими стилистическими видоизменениями и настоящие сказочные формулы:

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли...

И еще:

По вашему хотению,
По моему велению,
Все явится тотчас.

Как уже замечено, поэма написана безрифменным белым стихом, исключений мало, и они особо мотивированы. Такой стиль характерен для сказовой и сказочной речи, для множества народных песен. Кольцов писал об этом: «...русскую чисто сказку с рифмою писать нейдет: она ее не жалует...»¹ О рифме в песне уже во времена Некрасова Константин Аксаков сказал, что народ не любит ее и что она для него слишком груба, «нагла, так сказать»². Некрасов тоже отказался от рифм, но их отсутствие восполнил бесчисленными и многообразными созвучиями, аллитерациями и ассонансами, разными синтаксическими и ритмическими повторениями, повторениями частей слов, предлогов. Это свойство в равной степени распространяется и на речь повествователя, и на речь персонажей:

...Посмотрим, поразведем,
Попросим — и дознаемся...

Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшись — подумали...

Мужик плывет — и конь плывет,
Мужик заржал — и конь заржал.

Некрасов прибегал к рифме только в тех случаях, когда она сообщала стиху дополнительную изобразительную энергию или должна была придать строкам звучание прибаутки:

Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укачишься,
Щелкну — мертва покатишься...

Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются...

Изобразительные возможности повтора отдельных

---

¹ А. В. Кольцов. Соч. М., 1966, с. 329.

² К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. I. М., 1861, с. 404.

слов или их частей оказались необычайно широкими. Вот затаившие дыхание мужики идут, не чуя ног от радости, к соснам, где лежит заветная, обещанная пещочкой коробочка:

...Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу, по дремучему,
Считают каждый шаг.

Вместе с ними мы меряем эти шаги: так ясен здесь ритм стиха и так уместны повторы с бережно произнесенными словами: прямехонько, вернехонько — боятся ошибиться мужики!

Повторения словесных и ритмических элементов при описании развеселившегося «последыша» становятся «танцующими»:

Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделявал —
Вертелся колесом!

Эхо так вошло в ритм стиха с его повторами, что мы поистине слышим отдающиеся по окрестностям крики:

Царю! направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!

Ревет корова, и повтор только одного слова делает чудо:

...И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

В испуге заметалась сова:

...Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Это дважды повторенное звуковое зияние «то о» в соединении с ритмом создает ощущение силы, которая кидает и бьет сову о землю, о кусты.

А вот солдат-калека говорит в бойком стихе о чугунке:

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит.
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;

В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Мы слышим, как паровоз на чугунных рельсах пускает пары, набирает ход, свистит, несется, грохоча, со все убыстряющейся скоростью. Это поистине чародейство, его делает ритм, повторы, точный подбор глаголов, сложная система аллитераций и ассонансов, которая заставляет вздрагивать при слове «чище» — словно наяву в клубах пара и дыма надвинулось и пронеслось мимо жуткое огненное чудовище.

Стилистические приемы Некрасова-рассказчика развивают принципы образности, известные народному искусству. Он использует народные приемы, но подчиняет их своим целям.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!

Мы знаем, что здесь использован фольклорный прием — отрицательный параллелизм, но в форме необычайной, горько иронической, неслыханной. Конечно, так было далеко не всегда, чаще поэт использовал свойства народных песен:

..Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые...

Идут рядком, поют.
Поют про Волгу-матушку...¹

Подхват конца строки в начале последующей — обычное явление в песнях народа.

Не станем увеличивать числа наблюдений над стилем повествователя-рассказчика. Надо думать, те примеры, что приведены, дают право на общий вывод о разговорно-бытовой и народно-поэтической основе этого стиля.

---

¹ Курсив мой. — В. А.

Авторская имитация крестьянского разговорно-бытового и поэтического стиля осложнена литературно-книжным стилем в тех случаях, когда по той или иной причине поэт выходил из сферы чисто народного, крестьянского восприятия реальности. Это отчасти относится к знаменитым строкам о желанном времени, когда крестьянин понесет с базара Белинского и Гоголя, но они еще выдержаны в обычном крестьянском стиле поэмы:

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)

И возгласы «Эх!», и ласково-уменьшительное «времечко», определение «желанное», конечно, взятое из народно-речевого обихода, еще соответствуют общему стилю поэмы, хотя предмет сообщения уже вышел из жизненной сферы рядовых крестьянских понятий и представлений. Характерно, что над этими строками поэт работал особенно тщательно, устраняя из них все, что решительно выпадало из народно-разговорного стиля. В черновых вариантах вместо стихов о том, когда же

Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь? —

были стихи:

Пробудится, прояснится
Ученьем русский ум?

Окончательный вариант ближе к народному разговорному стилю, чем тот, который был отвергнут. Иное приходится говорить, когда речь поэта заходит о «демоне ярости», который с «мечом карающим» летал над русской землей, о «путях лукавых» и честных на Руси (глава «Пир — на весь мир»). С общим стилем повествования подобные места поэмы связывает, пожалуй, лишь самый стих, а остальное — образный стиль, язык метафор, символы, обилие книжных форм — свидетельствует, что повел речь сам Некрасов за своего повествователя. Поэт поневоле выходит из пределов крестьянского сказового стиля, так как этот стиль не допускал возможности неискаженного воспроизведения революционных идей на высоте помыслов и дум Некра-

сова о России. Художественная цельность поэмы оказалась ненарушенной потому, что публицистический и специфически авторский стиль Некрасова как поэта твердо ограничен композиционными рамками, допущен темой: перед читателем предстал юноша-революционер.

Непосредственное проявление особого авторского стиля в поэме все же редко и очевидно. Много труднее усмотреть автора за искусным воспроизведением народного стиля. Авторское отличие от имитируемого «оригинала» все же можно заметить и здесь. В «Последыше» Некрасов говорит о белокурой барыне — жене одного из княжичей:

...белокурая
С распущенной косой.
Ай, косынька! как золото
На солнышке горит!

Все в этих словах могло исходить от крестьянина-рассказчика: и междометие, и народно-поэтическое сравнение, и ласковое «солнышко», и «косынька». Князь развеселился и потребовал, чтобы белокурая Люба спела; не хотелось ей, а пришлось петь:

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,
Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!

Уснувшего князя перенесли в лодку, лодка поплыла.

У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру...

Стилистическая характерность этих иронических сравнений такова, что мы их должны отнести за счет прямого авторского вторжения в речь своего повествователя. Несмотря на народную «муравушку» и другие приметы крестьянского поэтического стиля это речь в большей степени самого Некрасова, чем того, кому автор передал право вести речь от своего имени.

Поэт свободно соединил в бытовом, разговорном и поэтическом сказе такие стилевые черты, которые

никогда не соседствовали в воспроизводимом «материале». Сказка не мешалась с песней, загадкой, пословицей, да и сами сказки были разные: потешные, сатирические, вроде историй о пошехонцах-глупцах, сказки волшебные, сказки о животных. У каждой из них был свой стиль. А в *волшебно-сказочном* «Прологе» к раскричавшимся мужикам, которые начали напоминать тех, над кем подсмеивался народ в *анекдотических сказках*, — с этим, в свою очередь, связано появление соответствующих стилевых форм, — подкралась лисица — персонаж *сказок о животных*:

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему
Подкралась к мужикам...

Эпизод с пеночкой и птенчиком, чудесным выкупом напоминает волшебную сказку с мотивом, который прославил Пушкин в «Сказке о рыбаке и рыбке». В то же время здесь и нечто от народной сказки другого стиля и склада — про дятла и лисицу¹.

Столь же стилистически самостоятельны в фольклоре и разительно отличаются от всех повествовательных жанров загадки с их приемом окольного изображения явлений и вещей посредством сравнения с предметом из других жизненных и бытовых сфер. Между тем мастерство Некрасова так прочно спаяло загадки со всем стилевым строем поэмы, что мы не только не ощущаем какого бы то ни было их несоответствия повествовательному стилю, но и принимаем эти вставленные в текст загадки за жемчужины, украсившие общее изложение. Правом художника было смещать границы жанров, стилей, лишь бы это смещение имело поэтическое оправдание в пределах новой эстетической системы.

Структура поэмы как целое допускала отклонение от принятого в ней крестьянского стиля в сторону профессионального литературного изложения: ведь вся поэма задумана как произведение, которое вводило читателя в область чувств и размышлений более высокую, чем его обыденная жизнь, хотя и вводила его постепенно, чтобы он мог принять произведение целиком,

---

¹ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I, № 32.

а не только в той части, которая давалась ему без труда. Так, начало поэмы целиком приноровлено к уровню крестьянских понятий и представлений, но постепенно Некрасов подвел читателя к тому, ради чего задумано все произведение. Таков первый самый широкий круг в стилевой организации поэмы.

IV

Следующий, более узкий круг вмещал в себя речи персонажей с тем проникновением в них речи самого повествователя, о котором уже говорилось. Поп, помещик, крестьянин — все они говорят речью своей социальной прослойки или сословия; характерна речь и других персонажей: странник говорит со смирением и лаской, как подобает человеку, покорившемуся судьбе, старообрядец — как начетчик, истовый в порицании неправды и греха, бунтарь — резкими словами, становой — начальнически, со злобой и руганью и пр. Это очевидно: иначе нельзя было бы говорить о реализме некрасовской поэмы.

Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением...

Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени...

Все в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...

Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!

Облик говорящего ясен: это — поп, проповедник, искушенный в книжном красноречии. Какой соблазна думать, что это и есть доподлинная речь сельского священника! Но если приглядеться, то можно заметить, что эти речи в чем-то отличаются от тех, какие могли исходить от священника. Возможно ли, чтобы поп в молитвенном обращении к богу просил о «крутой радуге» такими словами? Поп мог молить господа о прекращении дождей, но не так. Так деревенские

ребятишки просили радугу-дугу перебить дождь. Речь священника воспроизводится не сама по себе. Рядом с нею существует, а часто проникает и внутрь ее речь рассказчика-крестьянина. В самом воспроизведении речи персонажа участвует и автор-поэт. Присутствие автора и его повествователя в речи персонажа здесь не создало каких-либо особенных художественных эффектов. Ирония, сложная по составу, разная по оттенкам, возникает в поэме как раз в местах скрещения стилового потока речи повествователя, а с ними автора, с речью персонажей. Да и не только ирония появляется в этих случаях, но и другие стилевые формы. Соединение разных стилевых потоков связано с идейным замыслом глав и произведения в целом, и за этим имеет смысл проследить, чтобы уяснить своеобразие стиля поэмы.

Речь помещика Оболта-Оболдуева не похожа на крестьянскую: говорит человек иной культуры. Различие так значительно, что высокомерный Оболт-Оболдуев не скрывает, что должен упростить речь, чтобы крестьяне его поняли:

Скажите вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?

И дальше:

Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду...

Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо...

...Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога, —

наконец:

Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...

Речь обнаруживает высокомерие («Слыхали что-нибудь?»), напускную вежливость («вы, любезные»), прерывающуюся грубостью («Молчать!»), дворянскую идиллию и элегию (оранжереи, китайские беседки,

«английские парки», ф́лаг «играл-манил», рога «одушевляли» леса), русофильство («Русь-матушка») и пр., даже покаянную жалобу («Коптил я небо»). Это не просто характеристика Оболта-Оболдуева. Как и в главе «Поп», Некрасов допускает известную самостоятельность речи персонажа: она ведется в том стиле, в каком мог говорить настоящий помещик, но так же, как раньше, речь повествователя и автора вторгается в речь персонажа и стилистически меняет ее. Высокопарные речи дворянина, гордого своими предками, обретают пародийное звучание. Оболт-Оболдуев изменяет «родословное древо» в «дерево». Он произносит покаянную речь о том, что он без толку носил царскую ливрею, сорил народную казну. В речь помещика вошла речь самого автора с ясным и недвусмысленным осуждением дворянского паразитизма.

Особенно ощутимо присутствие Некрасова и его повествователя в речах персонажей главы «Последыш». Когда мнимый бурмистр оговорился и помянул «господский срок».

«Тсс! тсс! — сказал Утятин-князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил: —
Какой такой *господский срок*?
Откудова ты взял его?»

«Бурмистра» выручила проворная кума. Она сказала:

...Покуда ведро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше — подождет!

Утятин остался доволен:

«Бабенка, а умней тебя!»
Помещик вдруг осклабился
И начал хохотать.
«Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!»

Просторечие крестьянина-повествователя (словечко «откудова») осложнило речь князя. Вмешательство же автора выразилось не только в пояснении речей князя, который говорил «как человек, заметивший, // Что на тончайшей хитрости // Другого изловил...», — оно изменило стилистическую функцию слов самого Уяттина. Его глупый смех и повторение слова «дурак» в адрес

«бурмистра» оказались злой насмешкой над ним самим. Двусмысленно звучат и речи кумы Орефьевны.

Иной стилистический эффект вмешательства повествователя и автора в речи Матрены Тимофеевны.

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..» — уйдет...

Вот еще отрывок из речи Матрены. Она горько сетует на своего Филиппа:

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с каташня, с беганья,
С морозу разгорелось
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке? —

и прочее.

И в том и в другом случае речь Матрены изложена стилем песен. В народной песне говорится:

Мое личико разгарчивое,
Моя матушка догадливая¹.

Северный толвуйский причет излагает жалобу Матрены почти теми же словами:

Уж где ты меня повысмотрел,
Уж где ты меня повыглядел;
На горочке катаючись...²

То же — в другом заонежском плаче:

Скажи, где я прилюбилася,
В кое время приглянулася?
Я на горочке ль катаючись,

---

¹ П. Якушкин. Народные песни. СПб., 1865, с. 211. См. другие сопоставления текста Некрасова с народными причитаниями в упоминавшейся статье Т. А. Бесединой «Фольклор в поэме», с. 88—89.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III. М., 1910, с. 33—34.

На работе ль работаючи,
Аль на беседушке играючи?
На горочке катаючись,
От ветра лицо навёяло:
От того была хорошая...¹

Крестьянский причет вошел в рассказ Матрены и придал речи песенный стиль, который не мог быть свойствен разговорной речи. Стиль стал приподнято-лирическим, выразил ту тоску и слезы, с которыми приговаривались слова народных причетов, а слова из плясовой песни о догадливой матери передали поэзию короткой поры красного девичества.

Однажды речь Матрены зазвучала как народное величание. Радость обновления жизни выразилась в фольклоре с не меньшей силой, чем в литературе. Рассказывая о возвращении от губернаторши с новорожденным сыном и освобожденным от солдатчины мужем, Матрена говорит:

Мы идем, идем —
Останвимся,
На леса, луга
Полюбujemyся,
Полюбujemyся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!..

Связь с фольклорными величаниями Некрасов обнаружил словами:

Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!

Здесь слились народная песня и авторская поэзия («воды вешние», «полюбujemyся» и проч.). Приметы фольклора объединились с чертами книжно-поэтического стиля: «жавороночек», а не «жаворонок», не «звенит», а «поет-звенит» и проч. В литературе трудно указать еще случай такой сложной и вместе с тем ясной стилистической структуры. Овеянная народными песнями глава «Крестьянка» — одна из лучших во всей поэме по яркости и ясности красок.

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, М., 1910, с. 79.

Единство принципа, организующего стиль поэмы, допустило введение в нее целого ряда особых стилевых образований. Это вставленные в поэму песни, легенды, притчи, к ним относятся «Веселая» («Кушай тюрю, Яша»), «Барщинная», рассказ «Про холопа примерного — Якова верного», призывная речь старообрядца Кропильникова «Горе вам, горе, пропащие головы!», легенда «О двух великих грешниках», предание-песня о крестьянском грехе: «Аммирал-вдовец по морям ходил», песни «Голодная», «Солдатская», раешные выкрики-припевки солдата о «пенционе», о чугунке, песня «Доля народа...», «Соленая», «Средь мира дольного...», стихи «В минуту унынья, о родина-мать...», «Бурлак», песня «Русь», некоторые песни и притчи из главы «Крестьянка». Эти самостоятельные стилистические образования внутри поэмы не лишены сильного влияния авторского и общего сказово-бытового, поэтического стиля. В этом отношении особенно показательна глава «Пир — на весь мир». При всем этом стилистическая самостоятельность песен, легенд и притч вне сомнения. То, что они отличаются от основного стиля поэмы, говорит о чуткости Некрасова к своеобразию легенд, сказаний и песен особого происхождения. Сказово-песенный стих Некрасова мог звучать весело, иронически, спокойно, величаво, элегически, обретать разные разговорные оттенки, но он не мог быть столь бесконечным в изобразительных возможностях, чтобы передать с достаточной силой свойства духовного стиха, религиозной притчи, легенды, приметы новейшей народной песни, отличной от протяжной песни, стиль отчаянно-веселой скороговорки, схожей с выкриками раешника, и, уж конечно, в нем нельзя было дать представление о стиле стихов юноши-революционера. Желая добиться правдивого звучания всех тех картин и жизненных сцен, которые появились в поэме, Некрасов должен был допустить существование стилистически инородных образований. Так появилась, к примеру, песня «Солдатская»:

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Она соткана из народных присловий — и почти каждая пара срифмованных строк звучит как пословица с ее привычными стилевыми конструкциями. «Богатый богатын», который не подал побирающемуся искалеченному солдату, есть в присловье о нищих: «Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаям»¹. Три Матрены да Лука с Петром пришли из шутки, которую пустил гулять по свету какой-то неунывающий балагур — любитель табачку и житейских удовольствий². Еще Пушкина привлекло это балагурное присловье, но оно у него прозвучало благодушно³, а у Некрасова шутка горька:

У третьей (у Матрены. — В. А.) водицы ночью из ковша:
Вода ключевая, а мера — душа!

Сюда поэт присоединил еще одну народную шутку: «Душа меру знает», которая и доныне в фольклоре сопрягается с разными анекдотическими историями.

Бойкая придуманная поэтом приговорка солдата:

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские! —

заставляет вспомнить ритмический строй балаганных выкриков, но здесь смысл их печальный. Столкновение разных начал, идущих от фольклора и автора, создает сильный художественный эффект.

Рассказ Игнатия Прохорова о крестьянском грехе — «Аммирал-вдовец по морям ходил» выдержан в ритмике и стилевых формах народных баллад:

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение...

Традиционный ритмический строй старинной баллады с характерным началом (ударение на третьем слоге от начала) и концом (ударение на третьем слоге от конца с дополнительным слабым ударением на

¹ В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 94.

² См. там же, с. 819.

³ Свят Иван, как пить мы станем. — А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. III. М., 1964, с. 254—255.

последнем слог), цезура-пауза в середине стиха, нередкая рифмовка смежных стихов, просторечие — воспроизведены Некрасовым средствами силлабо-тоники с соответствующими стилевыми формами — «аммирал», «Ачаков» и проч. Стих «старины» — баллады, использованный Некрасовым, отчетливо звучал в песнях исторического рода. Вот строки из песни о разбойниках и удалом атамане:

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Обогрей, солнце, добрых молодцев,
Добрых молодцев, воров-разбойников! ¹

Фактура песенных строк вплоть до характерного повторения конца одного стиха в начале следующего, паузы посередине — повторена Некрасовым. Такие песни любили точные географические обозначения: народная песня упоминает «Суру-реку», «саратовскую степь». Некрасов не преминул ввести в свою балладу и эту стилевую приметку.

Песни дворовых пелись иначе, чем чисто народные. В них рано проникали рифмы, и ритмический строй сблизил их с литературными песнями. Некрасов сам заметил, что так называемая «Веселая» («Кушай тюрю, Яша!»), пелась «попами с дворовыми». Воспроизводя такие песни, Некрасов дал им немудреные рифмы: Яша — наша, нет — свет, куры — дуры и пр. Их иронический припев и куплетная форма напоминают стихи из сатирического журнала 60-х годов. Рассказ «Про холопа примерного — Якова верного» изложен стилем самого Некрасова с едва заметной стилизацией под речь бывшего дворового — «Викентия Александровича», ссаженного «с запяток на хлебопашество». Со всем в духе высокой книжной поэтической речи написаны песни Гриши Добросклонова.

Стилем, соединяющим легенду с песенным преданием о разбойнике, изложен рассказ Ионушки «О двух великих грешниках». Здесь песенные строки:

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман... —

сочетаются с воспроизведением житийно-легендарного стиля:

---

¹ Песни, собранные П. М. Киреевским, Новая серия, вып. II, ч. I, 1918, № 1447.

Денно и пощно всевышнего
Молит: грехи отпусти!..

Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал...

Песни, обретшие стилистическую самостоятельность в поэме — «Барщинная», «Голодная», «Соленая» — имитируют стиль народных песен в явной литературной обработке — со свободным варьированием и смещением пародно-песенных примет. Близкими к фольклорным песням, но не повторением их, а лишь воспроизведением, надо считать песни и причеты в главе «Крестьянка». Они обстоятельно проанализированы в научной литературе. К включенным в эту главу стилизованным формам, отличным от стилистической основы поэмы, можно причислить и странническую бабью притчу о затерянных ключах от счастья женского. Притча, как и рассказ Ионушки, перенятый от инока отца Питирима в Соловках, исполнена высокой символики в духе житийных легенд о подвижничестве, служении вере, о подвигах духа, о людях несокрушимой воли. Слова притчи — откровенная аллегория. Нашлись ключи, говорит поэт о реформе 1861 года, — «А все — не те ключи!».

Великие сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо поднимаются —
Всё нет и нет ключей!

Если припомнить, что счастье русской женщины, как оно изображено в поэме, это вообще счастье крестьянской семьи, то станет ясным, какое обобщение таилось под покровом иносказательно-библейского стиля — притчи об «отцах-пустынниках», «женах непорочных» и «книжниках-начетчиках» — великих сподвижниках дела поиска крестьянского счастья. Песни, притчи, сказы, стихи, включенные в поэму, вобрали в себя важные политические идеи Некрасова.

* * *

«Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотой Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворе-

ний Кольцова»¹. Эти пророческие слова сказаны в 1860 году Добролюбовым. Они определили историческое место поэмы Некрасова в русской литературе.

Пушкинская красота или, как говорили в XIX веке, грация, лермонтовская сила, его дух разрушительного отрицания, дух гнева и скорби, а вместе с ними — кольцовская песенность, интимное понимание мира крестьянина-пахаря, мятежная воля и порыв к свободе воплотились в Некрасове, но в новом творческом синтезе.

---

¹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 6. М.—Л., Гослитиздат, 1963, с. 168.

ВСХОДЫ И ЖАТВА

Своей поэмой «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов хотел принять участие в революционном деле. Правда, его не оставляли сомнения в том, удалось ли ему это: слишком медленно назревала революция. В 1867 году, после того как было опубликовано начало поэмы, Некрасов писал:

И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она...

И в 1876 году смертельно больной поэт думал:

Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Эти слова взволновали революционную молодежь, и она направила к поэту своих делегатов, которым поручила сказать: «Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья»¹. Любовь учащейся молодежи была дорога поэту.

В месяцы прощания с жизнью Некрасова посещали и другие думы о том, что он жил не зря, что «широкие лапти народные» проторят путь к его могиле, что мрак уступит свету, что «свободной, гордой и счастливой» станет со временем родина и что к этой грядущей судьбе народа причастен и он, поэт. Считают, что

---

¹ А. Г. Штанге. Воспоминания. — «Книга и революция», Пг., 1921, с. 54—55. Цит. по сб.: «Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах», с. 538—539.

среди строк последних стихов есть слова о поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла...

Возможно, речь шла о цензурном запрете печатать главу поэмы «Пир — на весь мир»¹. Новые удары врагов не поколебали светлых надежд поэта. Глава «Пир — на весь мир» писалась с твердой верой в грядущие народные свершения.

Как сильно изменились думы Некрасова о себе и народе, покажет сравнение двух стихотворений. Одно из них появилось в середине 50-х годов, задолго до поэмы, а другое написано в последние месяцы жизни поэта. Стихотворение «Несжатая полоса», напечатанное в «Современнике» в 1856 году, читатели восприняли как политический памфлет. Им казалось, что пахарь — русский народ, изнемогающий под гнетом Николая I. Не будем строго судить тех, кто так рассудочно истолковал стихотворение. К царю оно отношения не имело, но образ пахаря в этих печальных строках действительно обладает какой-то особой поэтической силой и невольно влечет к расширительному толкованию, хотя все в стихах предельно реально и ничто, казалось бы, не дает права на понимание их как иносказания. Вероятно, здесь действует закон художественных ассоциаций. В Евангелии от Матфея (гл. 13, ст. 3) сказано: «Изыде, сеятель, сеяти семена своя». Эта притча о семенах сеятеля — одни из них склевали птицы, другие — пали на камень, третьи взошли, но терние заглушило всходы, и лишь немногие принесли плод. У образа сеятеля, как видим, была своя история, и привычка иносказательного толкования образа дала себя знать, когда стихотворение Некрасова появилось перед читателем. «Несжатая полоса» действительно таила в себе возможность иносказательного истолкования. В особенности выразительны строки:

...Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

---

¹ См. рассказ А. А. Буткевич о посещении цензора и объяснении, какое она давала за брата по поводу этих строк: «Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич (1876—1877 гг.)». — «Литературное наследство», т. 49—50, с. 173.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети,
Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,
Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

Поэт не захотел прямо указать на возможность иносказательного прочтения стихотворения, но он допускал такое его толкование. Это видно из стихотворения «Сон», написанного в 1877 году. Здесь вновь появился образ несжатой полосы. Приснилось Некрасову, будто явился некий ангел и возвестил, что он, поэт, не умрет:

...И музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, собирая колос
С своей несжатой полосы.

Некрасов не вернулся на свою полосу, ее жали другие, но он уже мог видеть, что его жизнь — пахаря и сеятеля — не прожита зря: бывали и у него «блаженные часы», когда он собирал первые колосья. Поле заколосилось на славу. Приближалось время первой русской революции.

Время и события, происшедшие в России после смерти Некрасова, окончательно прояснили смысл его творчества. Оно явилось выражением трагедии революционного художника, который лишь в даях времени видел обнадеживающее разрешение тяжелой коллизии своей эпохи: России нужна революция, но народ еще не готов к ней. К грядущему обновлению России были обращены все помыслы Некрасова.

Трагическая судьба писателя, мечтавшего, но не увидевшего свершения революции, не прошла бесследно для России. «Беззаветная преданность революции», обращение с революционным словом к народу не пропали даром. По словам В. И. Ленина, такое дело «не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы»¹. Эти слова, сказанные о Герцене, целиком приложимы к Некрасову. Посев Некрасова, «одного из старых русских демократов»²,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

² Там же, т. 22, с. 83.

взошел добрыми всходами и дал обильную жатву. Молодые революционные поколения с благодарностью вспоминали поэта. «Любимым же нашим поэтом того времени, — говорил Н. А. Чарушин о революционной молодежи 70-х годов, — был, несомненно, Некрасов, произведениями которого мы зачитывались и выучивали многие из них наизусть»¹. Г. А. Мачтет, автор песни «Замучен тяжелой неволей», назвал Некрасова «великим поэтом, разбудившим наши сердца и затеплившим в них святые искры любви и веры»².

Есть большое число подобных свидетельств: Н. А. Морозова, В. Н. Фигнер, М. С. Ольминского, П. Ф. Алисова, И. И. Попова, А. И. Иванчина-Писарева, других общественных деятелей и революционеров. Все они сходятся в мысли, которую позднее точно сформулировал В. В. Маяковский: «...в революционной истории некрасовские стихотворения пользовались неизмеримо большим значением, чем вся остальная литература»³.

Делала дело революции и поэма «Кому на Руси жить хорошо». Крестьянина превращала в демократа сама жизнь, но велико было значение и живого слова Некрасова. Пройдет немного времени, и В. И. Ленин скажет о «великорусском мужике», что он начал «становиться демократом, начал свергать попа и помещика»⁴. Это сказано о крестьянском движении в годы первой русской революции и времени, непосредственно ему предшествующем.

Десятилетия и десятилетия теперь отделяют нас от печальных и горестных времен, когда поэт делился со своим читателем болью за судьбы и участь народа. Прошумели над Россией социальные бури — революции, войны. Великая стройка новой жизни сильно изменила облик нашей земли, ее людей. Стоящая на бугре древняя церковь да заброшенное кладбище, резной наличник на окнах старого дома, потемневший от времени деревянный сруб столетнего амбара, переня-

¹ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом. М., 1926, с. 30.

² Г. А. Мачтет. Избранное. М., 1958, с. 515.

³ В. В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1959, с. 388.

Эти сведения приведены в статье А. М. Гаркави «Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и революционное движение 1870-х годов». — Сб. «Истоки великой поэмы», с. 13—28.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

тые от родителей песни, которые еще помнят старики,— вот то немногое, что еще напоминает о давних временах. Русь Некрасова стала преданием, далеким прошлым, историей. Так или почти так думает сегодня человек, весь захваченный стремлениями современной жизни, но едва ли он прав. Связей у сегодняшнего времени с тем, которое дивилось чуду железной дороги, больше, чем кажется. То же солнце встает над нашей землей, те же рассветы и вечерние зори полыхают на небе, те же реки текут и подмывают берега, а люди хотя и стали другими, но не забывают, что они потомки тех, о ком писал Некрасов, что у нас с ними одна родина и что та же русская речь звучит среди нас. И это, как и многое другое,— залог бессмертия поэта и его поэмы. Написанное им всегда будет много говорить нашему сердцу. Некрасовская Русь во всей яви живет в строках поэмы: люди, давно умершие, говорят, двигаются, делятся печалью, радуются, сердятся. Явственно слышим мы далекие голоса, угадываем душевные движения людей, узнаем из поэмы об их помыслах и надеждах.

Русь Некрасова исчезла, но картины жизни, воссозданные им, его чувства и мысли близки современному человеку. В некрасовской поэме, как в энциклопедии, выразился народный исторический опыт, о котором полезно помнить. Слова о могучей и бессильной, обильной и убогой Руси не раз цитировались Лениным. Он находил характеристику поэта необычайно точной. В ней была мысль о колоссальной силе революции в России, о том, что мешало ей идти к победоносному завершению. Это была мысль и о том, что Россия должна перестать быть убогой и бессильной¹. Ленин истолковал слова Некрасова как политик, и тем значительнее этот факт. В некрасовской поэме еще скрыто много возможностей для нового прочтения ее строк. Как всякое подлинное произведение искусства, поэма живет в каждом поколении людей особенной жизнью. Посеянное Некрасовым разумно, добро и вечно.

---

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210; т. 36, с. 78—80, 82.

Краткий список литературы

- А. В. Луначарский. Николай Алексеевич Некрасов (1921). Некрасов и место поэта в жизни (1928). — Собр. соч. в 8-ми томах, т. I. М., 1963, стр. 211—219, 220—228.
- П. Н. Сакулин. Некрасов. М., Изд-во «Земля», 1922 (2-е изд., М., 1928).
- С. А. Червяковский. Творческая работа Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». «Труды Горьковского гос. пед. ин-та имени А. М. Горького», вып. VIII. Горький, 1940.
- В. Е. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, тт. I—III. М.—Л., Гослитиздат, 1947—1952.
- «Некрасовский сборник». Выпуски I—V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951—1973.
- К. И. Чуковский. Мастерство Некрасова. М., Гослитиздат, 1952, 1955, 1962. См. также: К. И. Чуковский. Собр. соч. в 6-ти томах, т. IV. М., «Художественная литература», 1966.
- И. Ю. Твердохлебов. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., Изд-во АН СССР, 1954.
- В. Т. Плехотишина. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Изд. Киевского ун-та, 1956.
- В. Г. Базанов. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» и крестьянское политическое красноречие. — Журнал «Русская литература», 1959, № 3.

Сборник «Истоки великой поэмы Н. А. Некрасова
«Кому на Руси жить хорошо», Ярославское книж-
ное изд-во, 1962.

Л. А. Розанова. Поэма Н. А. Некрасова «Кому
на Руси жить хорошо», Комментарий. Л., 1970.

В. В. Жданов. Некрасов (Серия биографий
«Жизнь замечательных людей»). М., 1971.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сятедь на ниве пародной	3
Добрый посев	10
К спорам о композиции	54
По севу и зерно	68
Всходы и жатва	97
Краткий список литературы	102

Владимир Прокопьевич

Аникин

ПОЭМА НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Редактор *Е. Мельникова*

Художественный редактор *Г. Масляненко*

Технический редактор *Л. Ковнацкая*

Корректор *Г. Сурис*

Сдано в набор 4/V 1973 г. Подписано в печать А04213 12/X
1973 г. Бумага типогр. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. 3,25 печ. л.
5,46 усл. печ. л. 5,38 уч.-изд. л. Заказ № 886. Тираж
150 000 экз. Цена 23 коп.

Издательство «Художественная литература». Москва, Б-78,
Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типо-
графия № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союз-
полиграфпрома при Государственном комитете Совета Мини-
стров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

**«М А С С О В А Я
И С Т О Р И К О -
Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я
Б И Б Л И О Т Е К А»**

**Выйдут в свет в
1974 году:**

И. М Е Д В Е Д Е В А
«Горе от ума»
Грибоедова.

Д. У С Т Ю Ж А Н И Н.
«Маленькие трагедии»
Пушкина.

